

ФРЕДЕРИК ЛЕПЛЕ

Путешествия по России (1844, 1853)

Перевод Алсу Губайдуллиной
Под редакцией Игоря Кучумова

Вступление и комментарии Игоря Кучумова

Французский ученый-энциклопедист и государственный деятель Фредерик Пьер Гийом Лепле (1806—1882) считается основоположником прикладной социологии. В то же время он был одним из самых известных металлургов первой половины XIX века, именитым экономистом и увлекался антропологией. Его перу принадлежат фундаментальные труды, оказавшие большое влияние на развитие общественных наук. В последние годы интерес к творческому наследию Ф. Лепле возрос, ему сейчас посвящен ряд публикаций в нашей стране.

Имя Ф. Лепле тесно связано с Россией. Уральский заводчик А. Н. Демидов обратился к ученому с просьбой провести анализ технологий и методов обработки металлов, использовавшихся на уральских заводах, чтобы оценить возможности их последующей модернизации. Первая поездка Ф. Лепле на Урал состоялась в 1844 году, а вторая, уже чтобы оценить результаты сделанных улучшений, — летом 1853 года. Во время этих путешествий Ф. Лепле преследовал двоякую цель — как инженер он проводил исследования по техническим вопросам в области металлургии и сталелитейного производства, а как экономист-социолог — собирал материалы по социальной статистике местного населения. Он не был кабинетным ученым, а активно изучал язык, быт, нравы различных народов, ему удалось познать тяготы их жизни и проникнуться искренним сочувствием к их страданиям.

Публикуемые письма Ф. Лепле жене написаны во время его путешествий по России в 1844 и 1853 годах. Они содержат богатые географические и этнографические сведения.

Поездка по России (1844)

[132]
ил 7/2018

Кёльн, 27 апреля 1844 г. — Дорогая Огюстина¹, мы встретились в Мехелене² с Сен-Леже³, который провел, как и мы, спокойную ночь в несущейся как ветер почтовой карете. Выехав в 7 часов утра в Кёльн, мы прибыли туда только в четыре, так что даже засомневались, по железной ли дороге движемся. Скорость их здесь такая же, как во Франции у карет.

Я с сожалением думаю, что мне еще 8—10 дней придется ехать в кукушках⁴. Понимаю, что это будет во всех отношениях самая трудная часть моей поездки, но чем же мне ее облегчить?

Берлин, 2 мая 1844 г. — Вчера мы совершили прелестную экскурсию в Потсдам, этакий берлинский Версаль.

Потсдам — это по большей части создание великого Фридриха⁵, о котором здесь еще помнят. Его библиотека, рукописи, спальня и рабочий кабинет сохраняются такими же, как при нем. Мы видели восхитительные картины, красивые сады и прелестное озеро⁶. Иностранцу было бы интересно пожить здесь несколько дней. Теперь расстояние в 7 льё⁷, которое отделяет Потсдам от Берлина, по железной дороге можно преодолеть за три четверти часа.

Санкт-Петербург, 11 мая 1844 г. — Вчера в 6 утра мы прибыли из Берлина в Санкт-Петербург, затратив на это 7 суток. До этого в Тильзите, что на прусской границе, мы сели в прусскую почтовую карету, которая доставила нас в Тауроген⁸, — первую русскую деревушку на нашем пути. Здесь благодаря распоряжению, полученному из Санкт-Петербурга от генерал-почт-директора, нам сразу дали два места в почтовой карете, отправлявшейся в русскую столицу.

Мы опасались, что в России очень скверные дороги, но, к нашему изумлению, они оказались даже лучше прусских. Почтовая карета представляет собой двойное купе на 4 места, где у каждого путешественника есть свой отдельный угол. Нам досталось переднее купе, что позволяло созерцать окрестности.

Край, который мы пересекали, в основном по Курляндии и отчасти Ливонии, восхитителен благодаря великолепному строевому лесу и березам. Казалось, что половина нашего пути прошла по английскому парку. Вдоль дороги деревья срублены, чтобы грунт был сухим. То тут то там в лесу виднеются прелестные лужайки и ручьи.

Маленво⁹ и я нисколько не устали и спали ночью так же прекрасно, как дома, хотя форма повозки и не позволяет прилечь. В Санкт-Петербург мы прибыли в том же бодром расположении духа, в каком ты провожала нас на улице Ж.-Ж. Руссо¹⁰.

Нам достались весьма приятные попутчики: польская дама с двумя детьми — девушкой лет шестнадцати или восемнадцати и мальчиком, которому предстояло учиться в Санкт-Петербурге. Беседуя с ними, мы узнали кое-что интересное для парижанок. Во-первых, выяснилось, что танец под названием “полька”, несмотря на свое название, полякам неизвестен. Оказывается, это французское изобретение¹¹, а наши танцовщицы думают, будто исполняют чужеземные пируэты. То-то закружились головы у всех парижан, а у аристократов и финансистов обоих пригородов — ноги: все наперебой принялись разучивать “иностранный танец”... придуманный, по-видимому, на улице Сен-Дени к большой пользе его автора.

Во-вторых, я узнал, что у Эжена Сю¹² в Пруссии и Польше не меньше поклонников, чем во Франции. “Парижские тайны”¹³ были проглочены в этой части Европы всеми дамами, знающими французский язык, и переводились на немецкий. Как и в Париже, здесь все восхищаются чистосердечностью Певуньи, кулаками и человеколюбием герцога Герольштейнского, а также впечатлительностью Поножовщика. Девушка была прекрасно осведомлена о содержании всей этой длинной эпопеи. Она с восхищением отзывалась об особенностях аргю “Белого кролика” — притона на улице Фев, резко осуждала легкомысленность мадмуазель Сесили и упрекала г-на Сю за то, что он не рассказал о ее дальнейшей судьбе. Я позволил себе предположить, что эта героиня закончила дни в покаянии и ее настигло возмездие.

В этих краях еще не знают о выходе “Вечного жида”¹⁴, и я очень обрадовал моих попутчиков, сообщив им о новом произведении столь любимого прекрасным полем автора. Они же, не желая отставать, поведали мне, что он в настоящее время работает над “Венскими тайнами”, “Берлинскими тайнами”, “Варшавскими тайнами”, и в Курляндии надеются, что из-под его пера со временем выйдут и “Рижские тайны”¹⁵.

Санкт-Петербург — огромный город с широкими улицами, роскошными домами и дворцами с позолоченными колоннами. Все его жители, кроме простолюдинов, передвигаются в каретах, из-за чего на главных улицах бывает очень шумно, а движение, как в Лондоне и Париже.

Различия между этими столицами заключаются главным образом в одежде. Все петербуржцы носят военную форму, и

встретить на улице штатского можно редко. Поэтому внешне все выглядит там весьма эффектно. Я провожу время, посещая людей, которые могут быть полезными, а также осматривая памятники. Везде меня принимают очень тепло, но я не могу ужинать по тридцать раз в неделю. Сегодня я провел вечер у занимающего высокую должность дяди г-на Анатоля¹⁶ и получил там представление о роскоши и учтивости русского дворянства. Однако на этом приеме почти не обсуждали политические вопросы, и мне показалось, что это было само собой разумеющимся, а не вынужденным. Ужинаем мы с 17.00 до 18.30, затем полчаса беседуем, а потом группами идем гулять. Такой распорядок дня очень привлекателен для иностранцев, имеющих по вечерам свободное время.

Отзывчивость, выказываемая всеми местными жителями к приезжим или, по крайней мере ко мне, дошла до того, что один из уральских заводчиков, собиравшийся ехать домой, предложил мне составить ему компанию. Сложно отвечать на такие предложения отказом — можно ведь и обидеть.

Он принял меня с распростертыми объятиями, и теперь мне ни к кому не придется более обращаться. Люди здесь гостеприимные и ни за что не отпустят вас без ужина.

Я велел приготовить для этой поездки экипаж. Все советовали мне тарантас — нечто вроде коляски без сидений: внутри разложены подушки и матрацы, на которых ночью можно спать лежа, а днем — собрать и ехать сидя. Короб для пассажиров установлен на двух деревянных осях-рессорах 15-ти футов длиной, концы которых крепятся ко всем четырем колесам. Уверяют, будто такой способ крепежа весьма податлив по причине длинной деревянной оси. Если рессоры ломаются, их можно быстро починить прямо в пути. Еще два короба располагаются на обоих концах этого транспортного средства — в переднем помещается кучер, а в заднем слуга.

На должность последнего я выбрал своего бывшего привратника Акима, которого специально выписал из Москвы. Он не сказать чтоб выдающийся повар, но готов ездить со мной по полям и лесам, и, думаю, нам пригодится.

Забыл сказать тебе, что русское правительство дало мне еще и попутчика — работника горных заводов¹⁷, который поедет рядом в отдельной повозке. Для меня это, конечно, большая честь. Думаю, мы найдем общий язык.

Санкт-Петербург, 27 мая 1844 г. — Наш тарантас уже готов к отъезду. Не знаю, будет ли в нем удобно, но уверен, что в остальном он нас не разочарует. Эта повозка состоит из крытого короба с двумя дверцами, закрепленного на двух длинных

деревянных балках длиной 3,5 м, к концам которых прикреплены колесные оси.

Уверяют, что эти шесты очень гибкие, но, главное, сии странные рессоры можно быстро заменить с помощью топора, без которого поездки по русским лесам совершенно невозможны.

Весь день нам придется ехать, сидя на четырех сложенных, набитых конским волосом больших тюфяках. За спиной и под локтями у нас будут четыре превосходные пуховые подушки. Спереди у тарантаса деревянная полка, придающая дополнительную прочность его конструкции; на ней-то и сложены, да еще и привязаны ремнями, дабы не упали нам на ноги, наши матрацы и одеяла. На одном ее конце закреплены два чемодана, а на другом — ящичек с кухонными и столовыми принадлежностями. Здесь же, возле сиденья для кучера, находится коробочка с различной домашней утварью. Они отделены от нас плотной занавеской, поэтому мы как бы находимся в “купе”. По всей внутренней обивке тарантаса нашиты карманы для книг, карт, стаканов, бутылок и т. д.

Сзади расположен другой ящик, в котором хранятся жестяная плитка с раковиной, чугунок для жаркого, медная и железная кастрюли, чайник и т. д. Аким сидит высоко сзади, на откидывающемся пологе; мы общаемся с ним через окошечко в задней стенке нашего купе.

Наша кухонная утварь просто великолепна: восхитительный большой чайник из сплава цинка и сурьмы, две суповые тарелки, две мелкие тарелки, одно блюдо и две солонки. У нас полно варенья, меда, шоколада, чая, манной крупы, нантских сардин, колбасы и копченых языков. Перед отъездом мы еще запасемся жареным мясом. Кроме того, мы прихватили двадцать ливров сахара и шесть бутылок рома, а также, на всякий случай, таким же количеством бордоского вина.

Вот с каким богатством нам предстоит ехать до самой Москвы и даже до Казани, по местам вполне цивилизованным; и горе нам, если мы не сумеем все это съесть, тем самым подтвердив, что мы настоящие гурманы.

Предложенный нами план поездки все еще рассматривается. Сопровождающий нас готов выехать с нами в любую минуту. Нам выдадут паспорта, точнее, путевой лист, так называемую подорожную, — с нею почтмейстеры станут к нам почтительнее.

В ней сказано, что мы едем по высочайшему повелению, поэтому нам, видимо, сразу будут предоставлять лошадей, и не пройдет и двенадцати дней, как мы достигнем Перми, куда стремимся попасть в первую очередь.

Москва, 3 часа утра 5 июня. — Я смог выехать из Санкт-Петербурга только в 3 часа пополудни 31 мая. В Москву мы прибыли в это же время 4 июня. Таким образом, примерно за четверо суток мы преодолели около 700 верст. (Верста — это почти наш километр, точнее 1,10 км, то есть 100 верст — приблизительно 110 километров.)

Мы правильно выбрали тип экипажа. Тарантас, конструкцию которого я ранее тебе описал, очень неудобен, если им пользуешься по-европейски, но бесподобен, когда лежишь в нем на подушках, матрацах и перинах. Мы спим там, как в собственной постели, и за две недели путешествия я ничуть не устал. Конечно, было бы лучше, будь дорога выложена щебенкой или хотя бы покрыта глиной, но, к сожалению, большинство здешних дорог застилают уложенными поперек бревнами, и нашим родным пружинам не выдержать такой тряски, которую и кости путешественников-то терпят с трудом, несмотря на подушки, матрацы и перины. За Нижним¹⁸ деревянная дорога кончается, и я думаю, что в такое время года нам вряд ли грозит увязнуть в грязи, когда мы теплыми ночами поедem по насыпным дорогам, земляным или песчаным.

В итоге, как я и предвидел, езда в просторном тарантасе и на мягких постелях вполне сносная, и можно было бы взять тебя с собой, если бы Альбер не удерживал тебя во Франции¹⁹. В другой раз, когда у меня будет больше времени, я расскажу и о том, насколько комфортна наша повозка.

Москва — великолепный, совершенно потрясающий город. Он превосходит Санкт-Петербург уникальностью архитектуры, извилистыми улицами, благодаря которым кажется возникшим естественным путем, как Париж, Лондон и Вена, а не создан по воле одного человека, как Берлин, Карлсруэ и Санкт-Петербург.

Если бы столицей империи была Москва и здесь располагались бы глава государства, большой гарнизон и правительство, она по значимости и самобытности не уступала бы Лондону и Парижу.

Основное отличие Москвы от Санкт-Петербурга заключается в том, что Москва стоит на двух холмах, между которыми течет Москва-река. С них видны сотни городских колоколен, как виден весь Париж с высот Бельвиля и Пантеона²⁰. В Санкт-Петербурге же разница в уровне всех улиц не превышает двух метров, поэтому во время разливов Невы все городские здания бьвают затоплены водой вплоть до второго этажа.

Наибольший интерес в Москве представляет Кремль и храм Василия Блаженного; он размером с часовню. Будь эта церковь величиной с наши крупнейшие соборы, и она была бы в первом ряду европейских памятников.

Казань, 11 июня 1844 г. — Мы прибыли сюда только сегодня в 7 утра. Хотя ехали круглосуточно, приходилось подолгу задерживаться на ямских станах. Наш тарантас обыкновенно запряжен шестеркой лошадей, причем довольно сложным способом. Иногда сбруя рвется и поневоле останавливаешься починить ее. Колесам и оглоблям тоже порой требуется ремонт.

Больше всего наше движение замедляли переправы через огромные реки, поскольку средств для этого часто не хватало. Переправляются здесь с крутых и заиленных речных берегов на маленьких паромах, которые тянут 20 человек. Они оглушительно орут, подзадоривая друг друга и добиваясь слаженности действий. Вчера с девяти вечера нам пришлось трижды пересекать реку, каждый раз затрачивая на это по два часа. В Казань мы прибыли по Волге и речке Казанке, на которой стоит этот город.

Хотя мы ехали из Москвы без передышки, я совершенно бодр и часто проезжал 60 км, даже не просыпаясь.

С питанием у нас все хорошо, и мы не зря взяли с собой продукты, ибо здесь ничего не достанешь, кроме молока и питьевой воды. Утром мы варим в огромной кастрюле молочный шоколад с манной крупой, а вечером — суп с манной крупой из кубиков Шеве²¹, которые вкусны. Днем едим хлеб с вареньем.

Проезжая большой город (Москву или Нижний), мы добавляем к этому рациону дичь, которой здесь сколько угодно, но в это время года она не очень вкусна. Только что мы прикупили двух бекасов, мандаринку²², тетерева и курицу.

Сейчас мы, бесспорно, совершаем самую трудную часть нашего путешествия.

На обратном пути я буду уставать меньше, потому что мне предстоит останавливаться в разных местах, в которые я сейчас не заезжаю, стараясь поскорее добраться до конечного пункта.

На нашем пути встречается великое разнообразие ландшафтов и людей.

Вчера мы пересекли столь же хорошо обработанные, как и в Босе²³, пшеничные поля — но раз в двадцать обширнее; а затем очутились в восхитительных зарослях дуба, орешника, клена, рябины и вяза. Потом наш отряд прибыл в прекрасную долину Волги, где река в десять раз шире, чем Сена в Руане, хотя ее устье очень далеко отсюда.

Сейчас мы пребываем в городе, где живут плосколицы и желтокожие тартары²⁴; они, уже триста лет как покоренные Россией, до сих пор исповедуют магометанство.

Меня поражают различия между ними и русской расой. Вчера, въехав в Казанскую губернию, я на первом же ямском

стане попросил представить нам дочь хозяина дома в праздничном наряде. Мне, всего-то шесть недель как прибывшему из Парижа, это было очень интересно. Наконец предо мною явилась богатырского сложения девица, коренастая и в одной рубахе с рукавами, ниспадавшими ниже колен и вышитыми красной шерстяной ниткою, так же как подол и ворот. В уши вдеты серебряные украшения весом не менее 300 граммов. Голова, которую она не успела причесать, обернута чем-то вроде расшитой серебром повязки. Поверх рубахи, прямо под подбородком, висит огромный нагрудник, тоже окаймленный красной вышивкой, а на нем цепочкою нанизано великое множество мелких монет величиной с наши 25 сантимов²⁵. Второй нагрудник надет под первым, спускается до живота и на нем тоже монеты покрупнее (некоторые древнее XVII века). Обувью девушке служили сапоги до колен с голенищами, собранными в гармошку. В холода она надевает халат мехом внутрь и носит его как пальто.

Пока же, дорогая, прощаюсь с тобой, ибо иду осматривать мечеть.

Казань, 11 июня 1844 г. — Триста лет тому назад Казань была столицей могущественной империи, на борьбу с которой ушла большая часть древней истории России. После завоевания Казани тартары утратили государственность. Однако здесь, как и у крымских тартар, религия сохранила совершенно особый характер народа, который исчезнет не скоро.

Сегодня я посетил одну из главных мечетей города и обнаружил там строгое соблюдение всего, что связано с магометанским культом. Очень поражает важный и благородный вид муфтиев, отправляющих обряды. Они сохранили неизменным восточный костюм: белый искусно собранный тюрбан, кафтан, широкие брюки и туфли, которые правоверные, войдя в свой храм, держат в руках или оставляют на пороге в чем-то, похожем на прихожую.

Казань — последний настоящий город на нашем пути на восток. Поэтому здесь нам пришлось запастись провизией, чтобы в дальнейшем не умереть с голоду. Аким с самого утра готовит мясо и домашнюю птицу на плитке, специально купленной нами в Санкт-Петербурге. За один раз она окупила все расходы по ее приобретению.

На городском рынке мы закупили провизии почти на 3 франка. На так называемом постоялом дворе это обошлось бы более чем в 20 франков. Стоимость съестного в России едва составляет четверть стоимости их во Франции, но в номерах они продаются путешественникам в четыре раза дороже, чем у нас.

Ямские лошади здесь очень дешевы, иначе столь долгие поездки были бы мне не по карману. Стоимость лошадей при поездке из Санкт-Петербурга в Москву составляет 10 сантимов за версту на одноконной повозке, а значит, 30 сантимов за версту на тройке. За переезд от одного ямского стана до другого, а это в среднем 20 верст²⁶, ямщик брал с нас по 40 сантимов за версту и еще дополнительно 32 сантима за версту (приблизительно 29 сантимов за километр) за пробег лошадей. Восточнее Москвы и в Сибири стоимость проезда одной версты на одноконной повозке составляет 6 сантимов, но для поездки по труднопроходимым дорогам мы обычно запрягаем четверку лошадей, и это составляет лишь 23 сантима за километр, причем вместе с наймом ямщика.

Во Франции для такой тяжелой повозки, как наша, для двух человек и одного слуги пришлось бы брать трех лошадей, что вместе с оплатой труда ямщика составило бы 80 сантимов за километр. Это в три раза больше, чем мы платим здесь. Однако не всякому путешественнику приходится преодолевать по Франции 14 000 км, которые нам предстоит проехать по России. Ямщик, если ему дать 40 сантимов за 20 верст (более 5 льё), падает перед путником на колени, благодаря его за щедрость, а ведь возникшему часто приходится преодолевать по 30 верст под холодным дождем и поминутно прыгивать в грязь, чтобы подвязать злосчастные крепления повозки. Нелегко достаются чаевые от путников!

Пермь, 4 часа утра 16 июня. — На подходе к Перми у нас вновь появились ямщики того склада, с которыми мы так хорошо ладили в южной России²⁷. Поэтому за последние 24 часа мы проехали более 200 верст.

Приехав в Пермь вчера в час ночи, мы встретили солдата, выделенного нам управляющим в качестве адъютанта. Несмотря на неурочное время, в доме нас уже ждали.

Вчера я весь день провел на Мотовилихинском заводе²⁸, что было мне очень интересно, а вечером посетил добрейшего управителя, чтобы отблагодарить его за помощь.

Вот бы провести здесь все лето! Русские, особенно те, кому поручено опекать меня, столь гостеприимны, что мне незачем беспокоиться о крыше над головой и еде. Расскажу тебе, как я провел вчерашний день.

В 8 часов утра я со своими двумя спутниками отправился на завод. Управитель и его люди были в полном нашем распоряжении. Позавтракали и поужинали мы у него, и это произошло до того естественно, что ему даже не пришлось в голову специально приглашать нас. Объезжая окрестности заво-

да, мы пользовались принадлежавшими ему тарантасами, а в 8.30 вечера на двух его повозках отправились к пермскому губернатору, взяв с собой и остановившегося в этом городе Дрю²⁹.

Статус местного губернатора аналогичен положению префекта департамента с той лишь разницей, что губернатор возглавляет территорию в десять раз большую и представляет власть намного сильнее и бесконтрольнее нашей. Он³⁰ живет один — его жена занимается воспитанием детей в Санкт-Петербурге — в принадлежащем ему доме, отстроенном вновь после недавнего пожара³¹, который уничтожил весь город.

Нас, естественно, сразу пригласили к столу. Свой огромный дом губернатор полностью предоставил нам, уверяя, что это его нисколько не стеснит. Мы договорились, что если в ходе экспедиций нам придется проезжать Пермь, то всегда будем останавливаться в его особняке.

Желая полностью завершить исследование этой части Пермской губернии, я намереваюсь проехать по Прикамью до Соликамска, севернее которого населения уже нет, и осмотреть тамошние многочисленные металлургические заводы.

Узнав об этом, любезнейший губернатор сразу же отправил туда своего человека, чтобы тот заранее подготовил для нас лошадей. От Перми до Соликамска ямщиками служат крестьяне, которые часто отпускают в лес лошадей, так что требуется определенное время, чтобы их оттуда вернуть. Благодаря содействию губернатора мы за короткое время многое сумеем сделать. Соликамск находится в трех ямских станах отсюда. Ночью будем ехать, а днем изучать тамошние металлургические предприятия и рудники.

Сегодня в 7 часов вечера мы вместе с Дрю отправимся в путь. С нами хочет поехать его жена, но при медленной скорости и скверных дорогах такое путешествие вряд ли покажется коренной парижанке увеселительной прогулкой. Для трех тарантасов мне, Дрю и Перетцу понадобится 12 лошадей, и без любезной помощи нашего губернатора, заранее оповестившего об этом крестьян, эту поездку невозможно было бы осуществить.*

Вернувшись обратно в Пермь, я намереваюсь отправиться на восток, в сторону Екатеринбурга, чтобы побывать на Урале.
.....

1. Отточия от оригинала. (Прим. перев.)

Екатеринбург, 29 июня 1844 г. —

Мы с супругами Дрю проехали довольно долгий путь от Перми до Екатеринбурга, и теперь все вместе собираемся побывать на нижнетагильских заводах.

Края, которыми мы едем, все так же восхитительны. Будь Западная Европа поближе, сюда хлынул бы поток туристов. Пермскую губернию можно сравнить с английским парком размером с Нормандию и Бретань вместе взятыми, в котором природа расположила лес, лужайки и водоемы не хуже самого опытного садовника. Мы не перестаем любоваться здешними красотами, хотя и видим их изо дня в день, а продолжительность и дальность поездок не идут ни в какое сравнение с теми, что у нас на родине.

Наш экипаж, с которого мы вынуждены были сойти, чтобы быстрее преодолеть крутые дороги и безлюдные леса Верхнего Прикамья, снова верно служит нам на пути в Екатеринбург.

Я постоянно жалею, что ты не смогла поехать со мной. Госпожа Дрю очень довольна путешествием, но тебе ехать было бы намного удобнее, потому что ее транспорт — типичная для этих мест открытая повозка с кожаным полом, в то время как моя напоминает наглухо закрытый дом. Ты нашла бы в ней хорошую постель, кухонную плитку, стол, столовый прибор, тарелки, стакан, чайную чашку, бутылки вина и рома, сосуд с молоком. Утром у тебя всегда был бы чай, днем — шоколад, ну а вечером, неплохой ужин и выбор вин. Конечно, здешние дороги не назовешь удобными, но к ним быстро привыкаешь, так что сегодня ночью я, несмотря на ухабы, грохот и смену лошадей, проспал целых семь часов.

Нижнетагильский завод, 6 июля 1844 г. —

До сих пор мне вообще не удавалось отдохнуть, что меня сильно раздражало. Я преодолевал огромные расстояния, наспех осматривал заводы, собирал и разбираал багаж, загружал и разгружал повозки. Но уже с прошлого воскресенья у меня, слава Богу, все иначе.

Я стремился быстро осмотреть рудники и заводы Уральского пояса, а также и предприятия, находящиеся между Екатеринбургом и Пермью, как уже удалось сделать в Прикамье. Однако чтобы хорошенько изучить их, мне придется кое-где задержаться подольше.

Для этого я выбрал нижнетагильские рудники и заводы. Поскольку сие огромное хозяйство принадлежит господам

Демидовым, я был уверен, что найду там культурных людей, которые помогут мне в работе и скрасят отдых. Видимо, меня ожидает особый прием, ибо размах здешнего гостеприимства не идет ни в какое сравнение с Западной Европой. Сейчас расскажу тебе об этом.

В Нижнетагильском заводе, как и в остальных центрах уральской металлургии, имеется господский дом. Это огромное жилище напоминает благотворительное заведение, поскольку здесь осуществляют ремонт транспортных средств путешественников, предоставляют им жилье, кормят и всячески ухаживают за ними, если те, конечно, не простолюдины. Домом заведует управляющий Нижнетагильскими заводами Демидовых любезный г-н Данилов³² — он долго жил в Париже и свободно говорит по-французски.

Я со своими людьми мог бы расположиться у него, но попросил предоставить нам жилище поскромнее, однако вблизи предприятий, которые мне предстоит изучать. Г-н Швецов³³, если ты помнишь, ужинавший у нас в 1839 г., узнав о моем желании, уступил мне свой зимний трехэтажный особняк³⁴.

На первом этаже здесь кухня, дровяной чулан, ледник, кладовки и комната прислуги. На втором, который занимаем мы с Маленво, — прихожая, кабинет, гардероб и комнаты. Первая из них площадью 14 × 20, вторая — 18 × 24 футов, рабочий кабинет размером с первую из них. Рядом моя спальня с большой туалетной комнатой и просторная спальня Маленво. На третьем этаже часть комнат отвели г-ну Перетцу. Наши апартаменты прекрасно меблированы, их стены увешаны неплохими копиями картин Рубенса, произведениями французских, итальянских и фламандских художников.

В этом доме мы и питаемся, и я нахожу, что лучше уж самим готовить еду, чем есть за счет хозяев. У знаменитого на всем Урале купца, который является местным Шеве, Делилем, Пти Сен-Томасом, Сюс, Жеру, Марки и т. д. в одном лице³⁵, мы покупаем уксус, горчицу, оливковое масло, чай и бордоское вино по 2,25 франка за бутылку.

У Бребана³⁶ такое стоило бы четыре — вот как плохо во Франции с виноторговлей! Мне становится стыдно за наших продавцов, когда наше же вино стоит в этих азиатских горах, в городе, совершенно неведомом в Европе, дешевле, чем во французской столице.

Г-н Данилов предоставил нам повара, привратника, стерегущего пальто в прихожей и встречающего гостей, посыльного и двух кучеров — здесь, как и везде в России, никто не передвигается пешком. Кроме того, с нами по-прежнему мой Аким, и он неплохо справляется со своими обязанностями.

Наш человек каждый день ходит на рынок за провизией, которою частично нас снабжает и г-н Данилов, он присылает превосходное молоко, сливки, несоленое масло, яйца, рябчиков, куропаток, диких уток, тетеревов, салат-латук, лесную землянику и широко распространенные здесь съедобные грибы. Помимо этого, вчера г-н Швецов прислал нам лопатку барашка английской породы и отбивные, вкус которых напомнил нам баранину из Западной Европы, крайне редкую в России.

Мои занятия и распорядок дня, как видишь, вполне сносные. Выпив в 6 часов утра чашечку чая, я отправляюсь на металлургический завод, расположенный в 60 шагах от моего дома, затем в десять возвращаюсь домой, завтракаю и снова иду работать. Ужинаю я в шесть вечера, спустя час пью чай в господском доме, после чего прогуливаюсь с многочисленной компанией по окрестностям. Такой променад может продолжаться до одиннадцати, поскольку в это время года ночей здесь не бывает. Впервые за все время экспедиции у нас появились нормальные постели для сна.

Медеплавильных и железоделательных заводов здесь преле великое множество. Рудники находятся в самом городе рядом друг с другом, и, насколько мне известно, им нет равных в мире. Железную руду добывают открытым способом, как камень в обычном карьере. Диаметр главного карьера составляет более 500 м, как расстояние между мостами Руаяль и Согласия³⁷.

Главный завод, на котором установлено свыше 60 водяных колес, приводящих в движение механизмы и молоты, черпает воду из огромного озера длиной 12 км, которое возникло после постройки плотины в долине Тагила; ее высота составляет приблизительно около шести метров. На рудниках и заводах ежедневно трудятся три-четыре тысячи рабочих, а все здешнее население насчитывает 22 000 душ. Так как у каждой семьи есть свой двор и сад, город занимает огромное пространство — 7–8 км в длину и 4–5 км в ширину, — половина Парижа. В нем 10–12 добротных церквей и часовен. На постройку одной из них³⁸, вблизи могилы г-на Демидова-старшего, ушло полмиллиона рублей. Удивительный вид открывается с вершин соседних гор, возвышающихся над этим огромным городом, окруженным зеленеющими лесами и раскинувшимся в восхитительной долине на берегу прекрасного озера. Не верится, что все это принадлежит одной семье. На семи других заводах, расположенных в этих живописных местах, тоже проживают люди, но их там намного меньше, чем на Нижнетагильском. Всего же в этих местах живет 50 000 человек.

Сегодня вечером я отправляюсь далеко на север — хочу по-
пасть на Богословский завод... Наша здешняя жизнь мало отли-
чается от парижской: кухня окончательно упорядочилась, мы
живем распрекрасно, у нас изобилие превосходной земляники
и всевозможной дичи. Иногда ходим на званые обеды.

Вчера главный управляющий устраивал большой прием, на
котором мы провели один час. На приеме было множество
мужчин и прелестное общество нарядных дам в декольтиро-
ванных платьях с короткими рукавами и красивыми лентами.
Все это выглядело великолепно и напоминало такие же вечера
в какой-нибудь небольшой французской префектуре. Я даже
сомневаюсь, встречается ли в Менде, Гере и Оше³⁹ столь же
элегантное общество с такими же хорошими манерами, как то,
что мы вчера видели в Нижнетагильском заводе.

Погода здесь сейчас такая же теплая, как на юге Франции,
и стоят те же светлые ночи, как там. Если бы такая погода
длилась три месяца, а не шесть недель, то можно было бы с
легкостью получить урожай всего, что растет в Южной Евро-
пе, просто защитив деревья от зимних морозов. Я не только
изучаю огромные Нижнетагильские заводы, но и езжу по ок-
рестным лесам, где имеется множество мелких золотых при-
исков, поскольку этот металл в изобилии присутствует в мест-
ных недрах.

Обычно под слоем почвы здесь лежит очень твердая поро-
да вроде той, что есть в Апеннинах возле Генуи, а на ней песок
и глина с частичками золота и платины. Очень любопытно
смотреть, как, образно говоря, опустошают эти долины, и как
с помощью химических реактивов извлекают драгоценный ме-
талл, которого здесь полным-полно. Обыкновенно требуется
промыть 4 млн кг песка, чтобы получить 1 кг золота. В этих
местах за неделю добывают приблизительно 10 кг золота. От-
сюда легко судить о значении этих приисков, которых сейчас
насчитывается более тридцати; однако всё это временки.

Прииски, как правило, расположены в очень живописной
местности посреди великолепных лесов. В конце несколько
утомительного дня нас всегда ждет превосходный ужин, при-
готовленный заботливым Акимом или поваром, приезжаю-
щим в маленькой фуре с провизией. У нас же с собою всегда
есть лед и земляника.

В Сибири таких приисков не счесть. В центре ее, в частно-
сти, в окрестностях Томска, десять лет назад нашли месторо-
ждения золота, столь обильные, что люди делают на его до-
быче колоссальные состояния: есть старатель, сейчас
добывающий там за неделю по 30—40 кг. Тамошние места бо-

гаче нижнетагильских — для получения 1 кг золота довольно промыть лишь 200 000 кг песка.

Эти открытия взволновали всю округу. Теперь все, в ком проснулся дух поисков удачи и богатства, отправляются в эти места промывать песок; кругом кипят находчивость и предприимчивость, как во времена освоения Америки.

.....

*Кушвинский завод*⁴⁰, 12 июля 1844 г. —

Я вновь еду к границам обитания людей, чтобы побывать на нескольких рудниках и заводах, представляющих для меня большой интерес. Вчера в восемь вечера мы выехали с Дрю, Перетцем и Маленво. Госпожа Дрю отправилась вместе с мужем. Мимо промелькнули принадлежащие г-ну Демидову два прекрасных Лайских завода⁴¹. Здесь мы покинули нижнетагильские владения и оказались на землях казенных Кушвинских заводов⁴².

На самом Кушвинском заводе нас по обыкновению тепло встретили приказчики; они были полностью к моим услугам. Полковник, который управляет этим округом⁴³, располагает более чем двадцатью тысячами человек, и стоит мне только чего-то попросить, как все сразу бегут исполнять мое желание. Мы, как обычно, остановились у управляющего, любезно позаботившегося о нас и наших слугах и даже изменившего время завтраков, обедов и ужинов, чтобы нам было удобно.

Восхищенный столь отменным приемом парижанин, прибывший сюда недавно, непременно поразился бы отсутствию кроватей. Но по русским обычаям кровать — это совершенно бесполезный предмет, и потому в жилищах ее просто нет. Нередко ее не найдешь даже у самых зажиточных людей, которые ложатся спать там, где им удобно.

Пока я пишу эти строки, Аким стелет мне постель. Сейчас уже час ночи, мы прибыли сюда в 11 часов вечера, преодолев за три часа 14 льё. В отведенной для меня комнате Аким присмотрел большой диван. Он бросил на него мой набитый конским волосом матрац, а под голову положил большую подушку, которую я обычно кладу за спину в тарантасе. Мое пальто он разместил у меня в ногах; мне не остается ничего иного, как спать в одежде.

*Богословский завод*⁴⁴, 16 июля. — Сейчас я нахожусь в 80 льё севернее Нижнего Тагила, на шестидесятом градусе широты. Здесь меня интересуют богатейшие месторождения меди и еще более богатые золотые прииски. Устроился я, как и на Кушвинском заводе, у полковника, начальника округа⁴⁵. По-

стоянное место службы этого человека – Златоустовский горный округ на Южном Урале, а здесь он временно. Его жена как раз приехала в один день со мной, чтобы навестить мужа.

У них шестеро детей⁴⁶, и она привезла с собой двух крошек. Ей пришлось проехать с ними одной 200 льё вдоль всего Уральского хребта, по местности, где нет гостиниц. Не всякая француженка решится на такое. Здесь проходит граница обитания человека. Эти места представляют собой настоящий девственный лес с самой удивительной растительностью, которую я когда-либо видел. Могучие лиственницы и кедровые сосны, которые здесь все называют кедром, соседствуют с привычными нам елями и соснами.

На лесных лужайках, по берегам реки и по краю дороги растут восхитительные цветы и чудесные ягоды.

Среди цветов, которые я буду перечислять по порядку их красоты и изобилия, встречаются кипрей волосистый с большими красными цветками, лабазник вязолистный, вероника колосистая, герань кроваво-красная и т. д. Из ягод можно назвать исключительно ароматную землянику, лесную малину и маленькую ягоду княженику, которую здесь называют северной малиной, – ее мелкие плоды превосходны и показались мне пригодней для приготовления варенья, чем наша смородина. Наконец, есть еще две ягоды, похожие на княженику, но с другим вкусом.

Эти цветы и ягоды образуют настоящий густой лес, прекраснее которого я не видел даже в Испании. Если бы мне предстояло сделать выбор, то, думаю, я бы предпочел Южной Европе жизнь в этих прекрасных горах, покрытых вечнозелеными лесами, которым не страшны ни солнце, ни даже мороз.

Вчера мы видели множество следов лесных пожаров. Умершие и рухнувшие наземь деревья со временем образуют густой слой горючего вещества, и в засуху, еще до появления травы, то есть с апреля по июнь, молнии и костры, разведенные путниками на обочине, могут вызвать пожар. На ветру он распространяется столь быстро, что за пару часов пожирает до 2–3 льё поверхности.

Вчера мы проезжали лес, выгоревший на площади 15 × 7 верст. Смолистые деревья под корой не горят и долгие годы продолжают стоять полностью обугленными, но с сохранившимися ветвями. Когда валежник, служащий огню топливом, сгорает, пожар прекращается сам собой, но затронутые им деревья уже не растут, образуя сухостой. На пожарище, удобренном сгоревшими деревьями, позднее появляются восхитительные поля красного кипрея.

Нижнетагильский завод, 27 июля 1844 г. — Я вновь устроился в этой маленькой горнозаводской столице, которую рад был опять увидеть, вернувшись с Богословского завода на севере Урала. Я побывал в местах, которые не с чем даже сравнить в Западной Европе, и получил большое удовольствие от зрелища высоких гор, дремучих лесов, пышной тропического вида растительности, пустошей и от местной цивилизации с ее хорошей кухней и шампанским, которое здесь течет рекой, хотя и стоит по 20 франков за бутылку.

Но у всякой, даже самой распрекрасной местности есть свои изъяны. На севере Урала они проявляются в изобилии комаров, которые за две ночи, проведенные нами в лесу, просто съели бы нас заживо, если бы мы предусмотрительно не укрыли свои головы и руки. Правда, кончик носа приходилось оставлять снаружи, чтобы дышать, поэтому к утру нос распухал и приобретал свекольный цвет.

Во время поездки в Верхотурье с нами случилось маленькое приключение. В этом городе есть часовня с прахом святого, почитаемого по всей России, а его мощи привлекают паломников со всех концов Урала⁴⁷. Одна девица с Екатеринбургского завода, государственная крестьянка, приехавшая им поклониться, уже две недели не могла уехать из Верхотурья, потому что все здешние лошади были заняты на сенокосе. Узнав, что мы запросили для себя восемь лошадей, она попросила довести ее к родственникам в Нижнетуриинский завод⁴⁸. Перетц сразу же ей отказал. Увидев, что девушка сильно расстроилась, я все же уговорил его взять ее в один из тарантасов рядом с ямщиком, хотя это и был довольно необычный груз для нас, геологов. Мы с интересом выслушали рассказ девушки о ее паломничестве и при прощании были очень тронуты ее признательностью. Я недостаточно владею русским языком, и потому не смог задать девице деликатный вопрос, какой грех она совершила, чтобы испрашивать прощения у святого. Бедняжка, привыкшая к здешним маленьким повозкам, так называемым телегам, чуть не умерла со страху, когда мы мчались по тракту со скоростью паровоза.

Но вернемся к комарам. С ними жители Северного Урала борются весьма странным способом. Так как отпугнуть этих насекомых можно только дымом, крестьяне всегда носят при себе глиняный горшок с тлеющими сухими грибами, выделяющими густейший дым. Косари с дымящимися горшками являют собою очень занимательное зрелище.

На околице деревень с подветренной стороны всегда горит костер из навоза и гнилушек, который защищает селение от комаров. Все лошади и коровы к ночи приходят сю-

да, спасаясь от этих насекомых. Вернувшись на Нижнетагильский завод, мы с радостью обнаружили, что здесь этой напасти нет, и, к счастью, в тот год комаров действительно не было.

На этой неделе мы три дня провели в восточной части владений господ Демидовых. На этот раз г-н Швецов сопровождал нас, и при нем был превосходный повар. Мы много работали и хорошо питались.

Маленво впервые за время поездки использовал ружье, и ему хватило без малого четырех часов, чтобы добыть с его помощью десять тушек птицы (диких уток, гагар, бекасов, мандаринок и т. д.) Впрочем, дичи здесь очень много и она до того непуганая, что однажды Аким запросто поймал утку руками. Одного бекаса мы убили, когда он залетел в наш дом, другого прогнала курица, гоняя его по саду. На будущей неделе мы хотим съездить на западную окраину демидовских владений, на высокогорье, отделяющее Европу от Азии, чтобы изучить месторождения платины — здесь их производят вдесятеро больше, чем во всем остальном мире.

*Черноисточинский завод*⁴⁹, 10 августа 1844 г. — Сейчас я завершаю крупную экспедицию в ту часть Уральских гор, которая принадлежит Нижнетагильским заводам.

Цель ее заключалась в посещении трех металлургических предприятий. Первое, Черноисточинский завод, стоит посреди гор на реке, несущей свои воды в Тагил, то есть в Азию. Водяные колеса этого предприятия тоже вращаются водой из искусственно образованного плотиной гигантского пруда; такой пруд в Западной Европе считался бы озером. Его площадь составляет 4–5 на 2–3 льё, и он просто восхитителен, потому что со всех сторон окружен высокими горами, поросшими лесом, чем очень напоминает швейцарские озера.

По дороге из Черноисточинского в Висимо-Шайтанский завод⁵⁰ мы пересекли Уральский хребет. Там установлен памятный столб, символизирующий границу Европы и Азии. Выплесните в этом месте стакан воды — и одна ее часть присоединится к Волге и потечет в Каспийское море, а другая через Тобол — в Ледовитый океан, а ведь разделяет их более 1500 льё.

Висимо-Шайтанский и Висимо-Уткинский⁵¹ заводы — еще два больших предприятия, расположенные на огромных озерах посреди гор. Именно здесь, на берегах Чусовой, заканчиваются демидовские владения. На реке стоит порт, где ежегодно строят по 40 барок, каждая водоизмещением 180 тонн; на них продукцию заводов вывозят во все части света. Боль-

шую часть отправляют в Санкт-Петербург за 3200 км отсюда.

На тарантасе можно добраться только до Усть-Уткинского⁵², дальше по горам приходится ехать верхом, а в самых непроходимых местах идти пешком. Иногда мы передвигаемся на одноконных двуколках, вес которых практически равен человеческому.

Так как у нас мало времени и скоро наступят холода, мы работаем без отдыха. У нас всегда наготове 20 лошадей, 20 человек и 8—10 тарантасов, которые едут с нами или ожидают нас впереди — иногда со стороны Европы, а иногда — Азии. За день мы два-три раза пересекаем горные хребты в местах, где еще не ступала нога человека, для чего приходится часто менять лошадей.

С нами прекрасный повар, а с ним — полный набор кухонной утвари и всевозможная провизия. В населенных пунктах мы отправляем в лес охотников, которые добывают нам диких уток, тетеревов, глухарей, рябчиков, бекасов и дупелей. Кроме того, нарочный, периодически отбывающий с нашими поручениями на Нижнетагильский завод, привозит оттуда говяжью вырезку, суповую говядину, телятину и баранину. Время от времени нам удается полакомиться превосходной лосятиной (это такой большой олень, чье мясо просто великолепно). По утрам мы пьем чай, в 11 часов или в полдень обильно завтракаем в лесу, а ужинаем в восемь-девять вечера на какой-нибудь стоянке, употребляя три-четыре сорта вина, преимущественно шампанского. За исключением вин и некоторых европейских продуктов, вся провизия достается нам почти даром.

Однако у этого безбедного существования есть и обратная сторона. Прежде всего, как я и говорил выше, спать приходится редко и мало, временами поездкам по лесам препятствует дождь, да и ехать верхом через высокие и крутые горы, покрытые дремучим лесом, который великолепен, но полон непроходимых куч гниющего валежника, бывает непросто. Лошади идут с трудом; но более удобный путь был бы в десять раз длиннее. Кроме огромных павших деревьев, через которые приходится перелезать, здесь повсюду множество полусгнивших стволов, за многие века превратившихся в перенгой, и кони вязнут в нем по колено.

К числу неудобств лесных путешествий надо еще добавить комаров и слепней, не оставляющих нам и лошадям ни минуты покоя. Наконец, лесные избушки для ночевки невероятно грязны и кишат насекомыми, но благодаря москитным сеткам, которыми мы накрываемся на ночь, они нам не страшны.

Скоро мы возвращаемся на Нижнетагильский завод, где собираемся пожить еще несколько дней жизнью, полной отдыха и комфорта и не оставляющей желать ничего прекрасней. Слуги полностью освоились с нашими привычками, и мы теперь живем лучше, чем в самой цивилизованной европейской стране. Снабженец господского дома покупает для нас на рынке все самое добротное.

Вот цены на основные продукты питания. Говяжья вырезка стоит 22 сентима за фунт, обычная говядина без костей — 12 сентимов, телятина — 10 сентимов, пара цыплят — 50 сентимов, пара дичи — по 40—60 сентимов, яйца — по 2 сентима за штуку. Европейские продукты дороже, но не так, как у нас, за исключением шампанского — на него в России установлены огромные ввозные пошлины.

Нижнесалдинский завод, 13 августа 1844 г., утро. —

Я окончательно покинул Нижнетагильские заводы, чтобы исследовать восточную часть владений, граничащую с великой сибирской степью.

Сейчас у меня уже не будет столь прекрасных условий, о которых я писал ранее. Кстати, рассказывая тебе о наших превосходных обедах, я забыл упомянуть о десерте. Он просто великолепен, в этих местах вообще нет ягод с косточками. Две-три недели мы в огромном количестве поглощали лесную землянику, которой здесь изобилие — леса буквально кишат ею. Позже подспела малина, она все еще плодоносит, и два вида желтых ягод, похожих на малину и ежевику одновременно. Наконец, мы лакомились превосходными маленькими черными ягодами. Ежедневно директор заводов посылал нам чудесные ананасы, выращенные в господских оранжереях. За месяц я съел их больше, чем за всю жизнь.

Нижнесалдинский завод, откуда я пишу тебе это письмо, находится на восточной окраине демидовских владений. Отсюда мы и ездим в разные стороны, изучая край, богатый месторождениями золота. Когда дороги заканчиваются, нам приходится пересаживаться на лошадей и ехать верхом. А коль скоро при этом трудно везти с собой провизию и все, что нужно для постелей, то и поездки наши превратились в кратковременные выезды. Приходится всегда возвращаться домой, чтобы отдохнуть и пополнить запасы провизии, а уж потом отправляться в другие места.

Через два-три дня мы проведем последнее исследование, на сей раз на расположенных к юго-востоку Алапаевских заводах, принадлежащих другому владельцу⁵³, и оттуда двинемся в Екатеринбург.

Того же дня, вечером. — Сейчас я целыми днями занят исследованиями в лесу. В мире нет ничего прекраснее окружающей меня дикой природы, но продвигаться по этим местам крайне трудно, ибо они представляют собой густые дебри, редуцирующие лишь вблизи деревень. Несмотря на массовую вырубку для заводских нужд и строительства жилья, лес быстро восстанавливается и разрастается все шире и шире.

Мои изыскания требуют, чтобы я шел в определенном направлении по прямой; поэтому впереди меня идет дюжина человек, которые топорами прорубают просеку примерно в 3 м шириной. Ради меня им пришлось срубить более 3 000 деревьев, но никто не считает это вредом.

Местные жители вовсю используют дерево для строительства и отопления своих изб, а также ремонта оград, тоже сплошь деревянных.

Впрочем, здешние крепостные крестьяне, особенно демидовские, намного зажиточнее своих французских собратьев. Каждая семья владеет домом и садом, размер которых определяет сама, двором, сараем для скота и хранения провизии, ледником и т. д. В радиусе 2–3 км от деревни располагается множество пастбищ. Жители постоянно расчищают их от деревьев, хотя администрация заводов запрещает им уничтожать леса.

У всех семей в 8–12 км от деревни имеются пойменные луга. На них крестьяне заготавливают столько сена, что его хватает для прокорма скота в течение всей зимы. В хозяйстве каждой семьи есть, по крайней мере, 2 коровы, 1–2 лошади и обычно 5–6 десятков кур, несколько баранов и овец. Все демидовские крестьяне ежедневно едят мясо и пьют напитки, полученные путем брожения.

Главным событием года в этом краю металлургов является сенокос, когда закрываются и заводы, и кузницы, а население уходит в леса на косьбу. После тяжелых заводских работ, на которых люди трудились целый год, сенокос для них — настоящий праздник. Соседи помогают друг другу, и тот, у кого сейчас косят, кормит и угощает пришедших косарей, а те, в свою очередь, будут потчевать его, когда помогать им косить будет он. В это время все ночуют в лесу: и если подняться на гору, то можно увидеть вереницу костров, тянущихся вдоль луговых ручьев. В деревню люди возвращаются с песнями и смехом, сидя на огромных копнах сена, которыми нагружены маленькие возы. Все это напоминает картину Леопольда Робера «Прибытие жнецов»⁵⁴.

Алапаевские заводы, 21 августа 1844 г. — Я только что прибыл сюда после очень трудной поездки по болотистым лесам,

где европейская карета не смогла бы проехать. После отправки моего последнего письма мы, пускаясь в экспедицию в низовья реки Тагилки, в последний раз ненадолго заехали на Нижнетагильский завод, чтобы попрощаться и поблагодарить за столь теплое гостеприимство. В честь нас был дан великолепный ужин, на который директор пригласил всех своих управляющих, и шампанского на нем было выпито больше, чем употребляют в подобных случаях у нас за 10 лет.

Теперь наша дорога идет по болотам некоего очаровательного парка. Я не устаю восхищаться здешними ландшафтами, которые в эти дни действительно очень напоминают самые красивые английские парки. Маленькие лужайки по обочинам, уходящие в лес, весной покрыты прекраснейшими цветами. Сейчас, по завершении сенокоса, эти поляны превратились в восхитительные газоны как в лучших садах Франции и Англии. Взгляд так и устремляется следом за ними, бегущими вместе с течением ручейков, тянущихся вдоль дорог. Кое-где на них растут редкие осины, ивы и березы, а где-то их сменяет густой лес, начинающийся от самой дороги. Эти восхитительные пейзажи с богатой растительностью тянутся на сотни льё, и, бесспорно, они — самое прекрасное зрелище из всех, какие я видел за всю мою жизнь.

Попав на земли Алапаевских заводов, мы сразу оказались в глухом лесу, который сохранился — поскольку здесь, в отличие от нижнетагильских предприятий, нет залежей железа.

На сухих участках произрастают деревья огромных размеров: основания сосен здесь нередко достигают до 3—4 м в диаметре. Одновременно можно обнаружить молодняк и множество огромных стволов старых деревьев, раскинувших высохшие ветви и стоящих столь плотно, что для прокладки здесь дороги, ширина которой не превышает колею повозки, обычно требуется двадцать человек, да и те могут рубить лишь один километр в день. То посреди дороги лежит дерево, рухнувшее накануне; то путь преградят нам стоячие воды; и повсюду навстречу ошестиниваются павшие стволы, не убранные при прокладке пути, и экипаж поневоле подпрыгивает так, что этого не в силах долго выдерживать даже рессоры из лучшей стали.

Такая езда, как сказал бы Александр Дюма, “создает путевое впечатление”, которое возможно только в России. Мы ехали по горным тропам, вымощенным положенными в ряд поперек пути и едва присыпанными землей большими бревнами. Колеса повозки с чудовищной силой бьются об них, особенно на большой скорости.

Особенно эти ухабы опасны при переезде мостов, которые, как и дороги, сложены из бревен диаметром 30—40 см. Местные ямщики, чтобы приободрить своих лошадей перед подъемом, следующим сразу после мостов, на спусках всегда пускают их в галоп. Поэтому повозка прибывает на мост со скоростью 8 льё в час, при этом невообразимый грохот, подобный раскатам грома, слышен на целое льё вперед, а испытываемые ею при этом перегрузки могут выдержать только наши сибирские тарантасы⁵⁵.

Дороги, которые я только что описал, часто имеют крутизну до 20 см на метр, ширина их, как правило, не превышает 2,5 м, и, разумеется, по ним не проедешь на четверке лошадей, как бывало в Санкт-Петербурге. Поэтому нам пришлось оставить тарантас на Нижнетагильском заводе, заменив его легкой повозкой, на которой мы в Верхнем Прикамье ездили на рынок. Размеры ее соответствуют здешней колее, и именно на ней мы прибудем в Германию, а возможно, поедем и дальше.

Режевской завод⁵⁶, 22 августа 1844 г. —

Режевской завод еще ближе к центру Урала, и это великолепное предприятие ежегодно выпускает 1 600 000 кг железного листа. Оно, как и восемь остальных заводов этого края, принадлежит одному из самых богатых россиян⁵⁷.

Здесь я столкнулся с удивительным примером русского гостеприимства. В Санкт-Петербурге я не взял рекомендательное письмо от заводовладельца, а директор уральских заводов забыл сообщить сюда обо мне, как всегда делал прежде.

Поэтому о моем прибытии здесь не знали. Но когда сегодня в час ночи мы заявили прямо в господский дом, назвав себя, нас сразу пустили и предоставили лучшие комнаты и постели. Утром подали чай, яйца и масло. Управляющий пришел к нам за распоряжениями, и мы сообщили ему, что хотели бы пообедать в два часа, а пока пойдем осматривать завод. В два часа нам подали суп с рисом (конечно, неважный, как большинство русских супов), рыбу, отбивную телятину с консервированным зеленым горошком, яйца со щавелем, жареного цыпленка, салат с французским маслом, превосходное вино из Медока, Мадейры и Сотерна, как всегда шампанское, а на десерт — арбуз. В комнату, где нас поселили, никто не заходит, мы обходимся только своими слугами, но в случае необходимости им могут помочь еще двадцать человек. При этом самого управляющего, его жену и дочь мы не видим.

Мы живем, как в Париже, но при этом у нас почти нет бытовых забот и расходов, хотя заводчик, у которого мы квартируем, как говорят, весьма строго следит за расходами.

Россия, бесспорно, самая гостеприимная страна в мире. Я уже смирился с заботой о себе, но, будучи западным человеком, все же предпочел бы за это платить, однако у нас здесь даже слуги бесплатные. Их 40—50 человек, и ни у кого нет конкретных обязанностей, поэтому в случае надобности можно обращаться к любому. Вздумай мы одарить их всех, каждому достались бы крохи.

Уже чувствуется, что зима близка; в горах выпал снег. Мы уже собрались в обратный путь, но хотим еще немного поработать. В путешествиях одинаково хороши как их завершение, так и начало, но возвращаться к семье с памятными подарками приятнее, чем покидать ее, поскольку при расставании радость от предвкушения нового омрачается грустью разлуки.

.....

Екатеринбург, 30 августа 1844 г. — Нам вновь достался очень красивый каменный дом, который принадлежит Нижнетагильским заводам. В нем расположен склад продукции, которую прямо здесь же и продают.

Я забыл тебе рассказать об одной особенности гостеприимства местных жителей. На первом же Алапаевском заводе нас встретил управляющий, коренной сибиряк, сразу же предложивший распить с ним бутылку шампанского. При каждом приеме пищи этот напиток течет здесь рекой, и добрый мальш раз двадцать просил нас осушить стаканы. На прощальном ужине его настойчивость уже перешла всякие границы. Когда мы встали из-за стола, он приставил к нам двух слуг, и, пока мы собирались в дорогу, они беспрестанно наливали нам сей напиток.

При посадке в тарантас каждому из нас опять пришлось выпить по полному стакану. Двинувшись в путь, мы решили, что, наконец, избавились от слишком навязчивого радушия, и вскоре забыли о нашем хозяине. Однако примерно в одном лье от завода, когда мы грузились на паром, перед нами откуда ни возьмись вновь вырос этот чертов управляющий с четырьмя бутылками шампанского, две из которых он уже откупорил. В конце концов, устав объяснять, что все это мне порядком надоело, я решил на хитрость. Когда люди управляющего отвлекались, я незаметно выливал содержимое своего стакана или просил Акима выпить его за меня. В итоге заводчане остались довольны. Таким способом можно было бы выпить хоть сотню бутылок.

В этом горном краю мне пришлось заменить мой тарантас на очень удобную и обладающую хорошим ходом маленькую

повозку. Мы заранее отправили весь багаж и теперь можем ехать галопом по самым высоким горам на тройке лошадей. Для тарантаса их потребовалось бы с десятков. Правда, места в этой коляске меньше, но зато накануне сезона дождей мы сможем проехать по самым плохим дорогам, не опасаясь увязнуть в грязи. Мы легко будем преодолевать за сутки триста километров, и надеемся прибыть из Оренбурга в Варшаву, по крайней мере, дней на десять раньше, чем предполагали.

В Париже наш экипаж бросились бы разглядывать с превеликим изумлением. Расстояние между парой осей 3,60 м, а соединены они четырьмя тонкими и гибкими шестами, на которых установлен кузов для пассажиров, и он наверняка весит менее 100 кг.

.....
*Нижнеисетский завод*⁵⁸, 1 сентября 1844 г. — Сегодня я отправляюсь в Оренбург.

.....
 Расстояние от него до Екатеринбурга больше, чем от Парижа до Марселя. В поездке меня будет сопровождать один из высокопоставленных сановников империи генерал Глинка⁵⁹. Он управляет всей этой частью Урала и сам выразил желание быть рядом со мной и засвидетельствовать мне свою дружбу, мне одновременно и приятную, и полезную, особенно в глазах прислуги, которая суется и старается во всем мне услужить с воодушевлением, труднообразимым в Западной Европе. Наш визит завершен, мы простились со всеми; сейчас полдень — уезжаем в Сысертский завод⁶⁰.

Нижне-Кыштымский завод, 5 сентября 1844 г. —

Дорога из Сысертского на Полевский завод⁶¹ проходит через большой горный хребет. Она представляет собой обычную просеку длиной 48 км, проложенную посреди совершенно безлюдных лесов в краю, ощетинившемся корягами и скалами. Поразительно — как удалось нам проехать по ней на двух экипажах, запряженных тройками лошадей! Луна показалась только в 8.30 вечера, так что до этого мы двигались в полной темноте. Но и при Луне, продержавшейся с 8.30 до 11.00 вечера, не видно почти ни зги из-за густых сосновых дебрей; продираясь сквозь них, мы часто цеплялись за коряги и сухие ветви; их треск и звуки камнепада вкупе со скрежетом наших рессор и стуком копыт сливались в поистине чудовищный грохот.

Мы уже привыкли к плохим дорогам и хорошо спим в пути. Во Франции же при такой езде мы точно бы свернули се-

бе шею. И все же я был очень удивлен, что прибыл целым и невредимым, а наша повозка не получила никаких повреждений, в чем мы убедились, тщательно осмотрев ее на следующий день. До чего же искусно изготовлены и сколь надежны эти легкие экипажи!

Должно быть, постоянное расхваливание мною наших средств передвижения тебе уже изрядно надоело, но ведь они для нас, как корабль для моряка. Посуди сама, что стало бы с нами, если бы наша повозка сломалась посреди здешних лесов и болот, которые, конечно, являются одним из самых живописных мест на земле, но практически безлюдны.

Выехав в 3 часа пополудни из Полевского завода, мы, к счастью, вечером того же дня прибыли на затерянные в лесах Уфалейские заводы. Получив 10 лошадей (по 5 для каждого экипажа), мы в одиннадцать утра отправились в путь, чтобы вновь пересечь Уральский хребет, который здесь состоит из трех огромных скалистых гребней, располагающихся параллельно друг другу; а меж ними проложена такая же дорога, как между Сысертским и Полевским заводами, но только 55 км длиной. Немыслимо, но лошади неслись по ней на большой скорости — с недолгими передышками, только если мне приходилось по дороге дробить камни. Несмотря на это, мы прибыли в Касли в 4.30 дня и вечером отправились в Кыштымский завод, добравшись до него к одиннадцати часам.

Господский дом являл собой восхитительный дворец. Квартира для меня и двух моих спутников уже была приготовлена. Она состоит из восхитительной спальни с кроватью и уставленной редчайшими цветами гостиной с пятью окнами и потолком в 5 м. Во всех углах горят высокие, настоящие церковные свечи в красивых канделябрах, повсюду горшочки с благовониями и т. д. Как приятно жить в таких условиях после изнурительной поездки на Полевский и Уфалейские заводы. Утром я полюбовался видами на Уральские горы, огромный работающий завод и почти такое же прекрасное, как в Тагиле, озеро, хотя и чуть меньшее по размеру.

Златоустовский завод, 10 сентября 1844 г. — Я прибыл сюда вечером в субботу. Это самый большой завод на Южном Урале, который я должен посетить. Время нас уже поджимает.

Мы уехали из Кыштымского завода вместе с управляющим в пятницу утром, чтобы посетить расположенные почти на 40 км южнее многочисленные золотые прииски этого предприятия в поселке Соймоновский⁶².

На следующий день в горах выпал снег, и в 6 часов утра мы отправились в Златоустовский завод, до которого было 95 км.

Начиная с Соймоновского, Урал становится совершенно иным, чем в Кушвинском заводе. Три четверти нашего пути прошло по долине Миасса. С обеих сторон высились покрытые соснами и снегом высокие хребты, достигающие 1200—1500 м, а в долине, по которой мы ехали, стояла погода, прекрасней которой нельзя даже вообразить. Нам всюду встречаются прекрасные озера с прелестнейшими маленькими островками и множеством водоплавающих птиц.

Местные жители оказались столь же необычны, как и сама местность: это башкиры, чьи земли были завоеваны только в прошлом веке. Когда 80 лет назад, в 1766 г., по этим местам путешествовал Паллас, здесь было еще мало русских заводов, и это были настоящие крепости с пушками наготове. Сегодня в этом нет никакой нужды.

Башкиры — магометане и очень напоминают крымских тартар, изображения которых ты можешь увидеть в альбомах Рафффе⁶³, но, в отличие от них, башкиры до сих пор остаются кочевниками. Мы видели их зимние поселения, сейчас почти опустевшие, — летом этот народ со своими стадами коней и, главное, кобылиц, живет в горах.

Еще мы видели их шалаши из дерна и войлочные палатки, обитатели которых уже готовились спускаться обратно на равнины, и наблюдали, как эти дикари перед охотой собирают в стадо своих кобылиц, которых доят, как коров. Ради одного этого зрелища стоит побывать на Южном Урале. Земля вблизи ручьев и лесов была тщательно обработана, урожай еще не собран и, несомненно, ждет, когда башкиры спустятся с гор.

В 25-ти км от Златоустовских заводов, сделав остановку на последнем ямском стане, мы покинули красивую долину Миасса, чтобы пересечь высокий хребет, отделяющий Европу от Азии. С его вершин открывается чудный вид. На берегу огромного пруда, в окружении лесистых гор, стоят многочисленные заводы Златоустовского горного округа. Над сей местностью возвышается заснеженная гора Таганай примерно 2000 м высотой⁶⁴

Златоуст, 11 сентября 1844 г. —

В тот же день мы завершили обследование Миасского завода. Это была наша последняя поездка в Азию. Расскажу тебе о том, что мы проделали в ходе нее. Мы оставили Златоуст только в 8.30, в сопровождении управителя Златоустовского горного округа генерала Аносова⁶⁵, который возил нас в три места на запряженном пятеркой лошадей тарантасе. Миасский завод находится в 45-ти верстах от Златоуста; мы посетили и рудник у самой дороги, хотя и пришлось для этого сде-

лать крюк в 5 верст. На Миасском заводе мы наездили примерно 10 верст, побывав на нескольких золотых приисках. Наконец, под вечер вернулись в Златоуст, второй раз преодолев разделяющий два этих предприятия Уральский хребет и проделав в целом 105 верст, то есть 116 км или 29 почтовых льё. По крайней мере шесть с половиной часов мы провели в интересовавших нас местах. Следовательно, в пути туда и обратно мы пробыли восемь с половиной часов, ибо, уехав в 8.30 утра, вернулись в половине одиннадцатого вечера. Для здешних скалистых мест это невероятная скорость, которой, казалось, невозможно двигаться, не повредив экипаж и не разбившись. Но, слава Богу, у нас все обошлось!

Теперь мы направляемся в сторону Франции, но прежде я хочу в последний раз заехать в Оренбург и совершить короткую прогулку по местам южнее Уфы, — а до этого города отсюда 100 льё. Потом сразу же в Казань. Остаться на Урале больше нельзя: погода стоит хоть и хорошая, однако ночью бывают заморозки, а в горах уже выпал снег.

Покидая Урал, я запишу один маленький здешний анекдотец, случившийся лет восемь назад с нашим славным попутчиком в поездках по югу России, графом Сент-Альдегондом⁶⁶ на том самом Кыштымском заводе, где мы нашли столь горячий прием. Этим предприятием тогда руководил один русский бородач, обильно поивший шампанским, как, впрочем, и остальные русские, всех, кому желал удачи. Граф выпил сколько смог в себя влить; и, когда поневоле вынужден был, перед тем как сесть в тарантас, отказаться от последнего возлияния, Зотов (так звали заводского управляющего)⁶⁷, которому выпитого все-таки показалось мало, вылил по бутылке шампанского на каждое из четырех колес графской повозки, твердя, что это на счастье. Для сих славных людей возлияние шампанским равноценно древним ритуалам возлияний вообще. Для путешественника, прошедшего много дней в пути и лишениях, уральские попойки, разумеется, были бы весьма приятны, не будь они столь обильны, да к тому же, если уж они начались, их никак невозможно прекратить.

Златоустовский горный округ был нам особенно интересен по причине производства здесь великолепной стали. Именно тут изготавливается холодное оружие для всей русской армии. Кроме того, искусный управляющий этими заводами наладил здесь выпуск дамасской стали, технология которой была давно утеряна.

Когда мы пересекли Урал и направились на Миасский завод, то видели по пути вереницу прелестных долин, почва которых буквально пропитана золотоносным песком, поэто-

му ее верхний драгоценный слой срезан примерно на метр в глубину, деревья же часто нетронуты, ибо у основания их корней золота почти не бывает. Два года тому назад примерно на метровой глубине здесь нашли золотой самородок весом 30 кг, причем прямо под углом дома; его сумели извлечь, не повредив самого строения. Эта крупнейшая в мире находка такого рода хранится в Санкт-Петербургском музее и оценивается в 100 000 франков⁶⁸. Примерно за пятнадцать лет на здешнем прииске добыто 8 500 кг сего благородного металла общей стоимостью 26 млн золотых франков.

Но все это не идет ни в какое сравнение с недавно открытыми в 800 льё восточнее, на Алтае, месторождениями золота. Я очень сожалею, что не побывал в тех местах, но меня утешает, что я, во-первых, выполнил свою задачу, а во-вторых — что скоро увижу тебя, наших родителей и друзей.

Уфа, 14 сентября 1844 г. — С отправки последнего письма я уже проехал 400 верст.

Сейчас мы преодолели горы и едем по бескрайним равнинам европейской части России. Климат здесь теплый, погода прелестна, а урожай еще не собран, и жатва в самом разгаре.

Уже чувствуется приближение зимы. Перелетные птицы — вороны, жаворонки и скворцы — уже собираются в крупные стаи, чтобы лететь на запад. Помногу их видно вдоль дорог, как и диких уток, мандаринок и гагар. Вороны и сороки представляют забавное зрелище. На обочинах через каждые 4–5 м стоят столбы трехметровой вышины — зимой, когда вся земля покрыта снегом, они указывают путь. С них-то на нас с невозмутимой важностью взирают эти птицы, напоминающие чучела. Их внимательный и любопытный взгляд часто вызывает у нас безудержный хохот. Какое счастье находить повод для смеха в столь долгой дороге!

.....

Троицкие заводы⁶⁹, вблизи Бугульмы, 15 сентября 1844 г. — Перед отъездом из Уфы я всерьез подумывал изменить маршрут дальнейшей поездки. Дело в том, что мне рассказали о прекрасных дорогах в орenburgских степях и о тракте, проложенном вдоль Волги к Азовскому морю. Я думал воспользоваться им, чтобы вернуться домой через Крым и Константинополь. Действительно приятно ежедневно преодолевать 300 верст по мягкому дерну на тарантасе, да и посмотреть на Константинополь, Смирну и Грецию в целом было бы неплохо, но для этого пришлось бы проделать 800–1000 льё по воде и просидеть с десятков дней в карантине на Мальте. Поэто-

му, все тщательно взвесив, я решил возвращаться по суше, хотя и знал, что в конце сентября может выпасть снег, и тогда я застряну в польской грязи.

Однако я до сих пор не раскаиваюсь в этом. Дорога прекрасна, на небе ни облачка, земля мягкая и без пыли. Тракт, по которому мы следуем, проходит по совершенно ровному плоскогорью с ухоженными полями, — их возделывают башкиры, живущие от Уфимской провинции до долины Миасса.

Уфимские башкиры носят очень живописную одежду — подпоясанную рубаху, вышитую цветными нитками, а то и серебром и золотом. Их широкое верхнее платье напоминает халат. На затылок бритой головы они, как наши кюре, надевают маленькие, расшитые золотыми и серебряными нитями тюбетейки, а поверх них — белую фетровую шляпу; не имей она разреза сбоку, в точности походила бы на колпаки наших карнавальных Пьеро. Обувью им обычно служат ботинки, на которые спадают широкие штаны желтого или красного цвета. Облик всего края восточный и азиатский.

Казань, 18 сентября 1844 г. — С отъезда утром 12 сентября из Златоуста мы уже проехали 925 верст.

Местность между Уфой и Казанью весьма интересна. К 6-ти часам вечера 16 сентября мы прибыли на ямской стан в тартарской⁷⁰ деревне, как раз когда мужчины выходили из бани, а женщины и девушки только туда собирались. Нас очень позабавило, как заботливо они прикрывали свои носы: показывать нос мужчинам считается у тартарок верхом непристойности.

Но особенно нас удивило, как эти люди взирали на заход солнца, словно надеялись увидеть что-то необычное. Нам рассказали, что они, живя без календаря, ждут новолуния, чтобы начать мусульманский пост, который на языке этих тартарских башкир называется “ураза”. Кстати, так же именуют его и крымские тартары. Узнав, что я профессор из Европы, они окружили тарантас, наперебой спрашивая, в какой фазе сейчас луна, и были очень признательны, когда я сообщил им, что новолунию уже три дня.

Эту картину дополнило прибытие с охоты одного башкира в богатой одежде; он подскакал к нам. На руке у него, как у средневекового рыцаря, сидел беркут, который только что поймал хозяину луговую утку и теперь, привязанный за лапы к его кулаку, пожирал часть дичи, отданной ему в качестве поощрения. Выяснилось, что охотник поймал беркута всего лишь три недели назад и за это время полностью его выдрессировал. Перед охотой он несколько дней не кормит свою

птицу, затем, привязав за лапы, едет с нею охотиться. Увидев дичь, которой здесь изобилие, он указывает на нее беркуту и бросает его в ту сторону. Беркут взлетает, некоторое время кружа над своей жертвой, а потом молниеносно падает на нее, хватая когтями и замирает. Подъехавший к добыче охотник забирает и ее, и беркута. По нашей просьбе охотник подбросил беркута невысоко в небо — и тот сразу же вернулся к нему на кулак. В этой единственной в своем роде местности можно успешно вести исследования и проводить досуг. Для путешественника, интересующегося народными обычаями, материала здесь в изобилии.

Выксунский завод, 25 сентября 1844 г. — Кроме семи или восьми прекрасных металлургических заводов, которые привлекли меня в этих местах, здесь есть много такого, ради чего стоило приехать из Парижа. Эти земли, площадь которых превышает 100 000 га, принадлежат двум братьям Шепелевым, причем старшему не более 28-ми лет⁷¹. Один из них постоянно живет в поместье; такое редко встречается среди уральских заводо-владельцев — обыкновенно они бывают на своих предприятиях в лучшем случае раз в жизни.

Хозяева Выксунского завода позаботились о том, чтобы их здешняя жизнь ничем не уступала жизни в столице империи. Приведу лишь один пример.

Дедушка нынешних заводчиков⁷² полсотни лет назад организовал у себя с помощью иностранных артистов театр. Это дело продолжили его наследники и особенно — нынешние владельцы завода⁷³, так что сегодня он уже не уступает лучшим театрам Европы. В репертуаре не менее дюжины опер: “Вольный стрелок”, “Севильский цирюльник”, “Багдадский калиф”, “Сомнамбула”, “Пираты”, “Отшельник”, “Луг писцов”, “Роберт-Дьявол” и т. д. ... У театра есть свой руководитель труппы, преподаватель вокала, мастерская по изготовлению декораций и костюмов, оркестр из сорока музыкантов, две примадонны, две певицы второго плана, пять-шесть солистов и второстепенных певцов, два мужских и женских хора, и т. д. ... За исключением двух-трех человек, все они являются крепостными. Работают слаженно, как будто живут в Москве. Сам театр чудесен: зал вмещает около пятисот человек, великолепно освещается газовыми светильниками и украшен красивой люстрой, а реквизит и костюмы очень богаты. Для получения различных эффектов и смены декораций имеется целый комплекс механизмов. Неслыханно, чтобы частное лицо смогло организовать театр столь высокого уровня.

Господский дом — это целый городок, и его меблировка такая же странная, как жизнь хозяев. Апартаменты старшего брата состоят из четырех комнат, обставленных на турецкий манер: в них нет ни стульев, ни привычной нам мебели, а вдоль стен и посреди помещений стоят низкие, на 30 см от пола, широкие диваны. Само собой разумеется, что роль кровати досталась расположенному в углу дивану, до которого не доходит дневной свет.

К этому дому-замку прилегает парк, хотя его впору бы назвать настоящим лесом. От замка он в трех верстах, и именно в нем располагается театр со служебными помещениями... Замок и две-три церкви являются главной достопримечательностью поселка, состоящего, как и все русские частные поселения, из множества деревянных домов, в которых живут рабочие люди завода. Город стоит на плотине большого, как устье Сены в Гавре, пруда. В этом населенном пункте имеется еще несколько сообщающихся водоемов, а тот из них, что рядом с Выксунским заводом, занимает несколько тысяч гектаров. Как обычно, город, его пруды и завод окружены лесом, который здесь повсюду и начинается прямо на окраине.

Старшего заводчика, Ивана Шепелева, в Выксунском заводе тогда не было — он уехал развлекаться в Нижний Новгород, и я познакомился с ним уже там. Его увеселительная прогулка оказалась такой же необыкновенной, как и жизнь Выксунского завода. Г-н Шепелев построил для себя два судна: одно с паровым двигателем в 30 лошадиных сил, а второе как вспомогательное, предназначенное для размещения людей и вещей. Когда мы приехали в Нижний, оказалось, что г-н Шепелев только что прибыл туда на своих кораблях с сорока музыкантами.

Познакомил нас нижегородский генерал-губернатор князь Урусов⁷⁴, опекавший меня в этом городе. Я не жаждал посетить г-на Шепелева на борту его водной эскадры с видом на дворец, вздымавшийся одновременно и над Окой, и над Волгой, и тогда князь был столь любезен, что вечером пригласил его к себе в губернаторский дом, где мы с ним и встретились. На этом приеме заводчик предложил мне осмотреть земли Выксунского завода, обещав, что и там нас примут достойно.

Когда в одиннадцать вечера мы встретились у губернатора, мне стоило большого труда отказаться от настойчивых предложений г-на Шепелева, непременно желавшего отвезти меня после полуночи на борт своего судна в километре от города, чтобы пить там до утра шампанское и наслаждаться игрой оркестра и пением выксунских примадонн.

Не меньшего труда стоило мне отклонить и другое его приглашение. Назавтра на борту того же парохода он давал большой ужин для губернатора, его жены и всего городского начальства. Подавать на ужин предполагалось блюда, приготовленные из столичных продуктов тремя опытными поварами французской школы — все это, а также роскошные интерьеры, обещало быть весьма интересным, и мне пришлось проявить решимость, чтобы не отвлечься от основной цели моей поездки и пренебречь возможностью полюбоваться местным колоритом.

Братья Шепелевы не женаты⁷⁵. В их уральском особняке нас встретила не первой молодости вдова, их кузина, которая управляет их домашним хозяйством получше всякого приказчика⁷⁶. Эта интересная женщина не менее оригинальна, чем ее родственники и среда, в которой она живет. По-французски она говорит неплохо, но быстрой, невнятной скороговоркой и с гасконским акцентом. В ее манерах есть что-то восточное, азиатское. Весь день она, не переставая, курит турецкий табак из полтораметровой трубки, которую ей постоянно набивает карлик, и не смогла скрыть удивления, когда мы отказались разделить с ней это ее пристрастие.

Я с удовольствием выслушал ее рассказ о зимних месяцах, когда все сидят по домам. Обитатели господского дома встают между десятью часами и полднем, а то и после двух. С утра и до вечера они курят и пьют чай, а пищу принимают только за ужином, то есть часов в шесть. Столь беззаботное существование на восточный манер действительно отбивает аппетит и делает желудок невосприимчивым к голоду. Старшего брата в доме всегда сопровождает слуга, в любую минуту готовый поднести ему чай и табак. Этот распорядок дня в некоторой степени затронул и нас. Конечно, мы не ограничены в питании, но сытной еды явно недостаточно, притом что дополнительные порции нам все же дают.

Выксунские заводы заслуживают того, чтобы на них побывать. Кажется, они производят все на свете. Помимо изделий из железа, составляющих основу дохода заводчиков (сортовая сталь, чугунные отливки, простая сталь, напильники, проволока, всевозможные листы, гвозди и сельскохозяйственные инструменты), на заводе делают детали железных мостов, паровые машины, пароходы, снаряды, газовые светильники, предметы из бронзы, обои, зеркала, цветные витражи, эмали, холодное оружие и ружья. Именно огромные запасы сырья в местах, где без провизии легко умереть с голода, позволяют содержать столичного уровня театр, который обходится в сумму порядка 45 000 франков в год.

Сегодня вечером мы уезжаем в Москву, до которой отсюда всего лишь 300 верст.

[164]

ил 7/2018

Москва, 28 сентября 1844 г. — Этим утром я прибыл сюда из поездки, которую пришлось прервать, ибо погода резко ухудшилась. Мы правильно сделали, что не поехали дальше; но даже несмотря на это, я опасаюсь, как бы непрекращающиеся дожди, размыв дороги, всерьез не затруднили преодоление тех 1270 верст, что отделяют Москву от Варшавы. Все только и говорят об ужасах этого тракта и советуют нам ехать в Варшаву через Санкт-Петербург.

Этим вечером мы имели удовольствие присутствовать на гастролях французского театра в Москве и посмотрели три водевиля: “Актер-доктор”, “Протеже” и “Муж хористки”.

После стольких дней, проведенных среди башкир, тартар и прочих народов, почти ничего не знающих о французской литературе и цивилизации, нам было приятно встретиться с родной культурой. Эти пьесы были хорошо сыграны и очень понравились зрителям. Зал театра очень красивый, просторный, вмещает 1200 зрителей, но сегодня их было не более ста пятидесяти.

В Англии, во многих городах Германии, да и здесь театр, очевидно, не столь интересен для публики, как в Париже.

Варшава, 10 октября 1844 г. — Я не раз хвалил себя за то, что не отправился в Варшаву напрямик из Москвы, ибо воочию убедился, по каким дорогам нам пришлось бы ехать.

Покинув Москву в 5 часов 1 октября, мы в час ночи 4-го числа прибыли в Новгород. Чтобы сократить путь, мы отправились в Санкт-Петербург не по Варшавскому тракту, а по проселочной дороге, которая соединяется с ним недалеко от Пскова. В этом направлении тракт продолжается еще две станции, а затем на 120 верст сменяется грязной колеей, ужаснее которой нет ничего на свете. Ее пытались улучшить, уложив поперек пути бревна, но из этого мало что вышло.

И вот наш экипаж, погружаясь на 30 см в грязь, при полном обороте колеса подсакивал на этих проклятых бревнах раз десять, угрожая рассыпаться и причиняя страдания костям пассажиров. Когда на пути встречались сгнившие бревна настила, колеса повозки примерно на метр увязали в распутице, и тогда около часа уходило на то, чтобы с помощью пятерки лошадей и всех, кто тут был, вытащить экипаж из трясины. Иногда ехали через полуразвалившиеся мосты, казалось, готовые обрушиться даже под нашим довольно легким транспортом. Но это еще пустяки по сравнению с проездом через деревни, где грязь,

бревна, ямы и глубокие лужи (в которых полностью увязают колеса) доставляют тяготы уже просто невообразимые.

Невероятно, как люди в этих селениях могут по три месяца в году жить в черной и зловонной грязи? Вот и подтверждение того, что человек привыкает ко всему. Мы же к такому столь неприспособлены, что, в конце концов выбравшись под Псковом на Варшавский тракт, подумали, что попали в рай.

Мы преодолели эти 80 верст бездорожья, не сделав ни одной остановки, но, несмотря на всю нашу растопоропность и пятерку лошадей, за час осиливали не более одного льё. Нам рассказывали, что дорога из Москвы в Варшаву через Смоленск еще хуже этой, и только теперь я осознал, что бы с нами стало, решишь мы проехать по ней 1300 верст!

Вчера в пять вечера мы прибыли в Варшаву; за все восемь дней и ночей, проведенные нами в экипаже, мы никогда не покидали его более чем на час. Однако он так удобен и мягок, что в нем можно спать лежа, и приехал я, совершенно не устав. Но все же как приятно было, наконец раздевшись, проспать десять часов на белых простынях!

Варшава, 11 октября. — Наведя справки, мы решаем добираться до Кракова на общественных каретах, а оттуда отправиться в Прагу, чтобы попасть в Богемию, где я еще не был и хочу ее хотя бы мельком увидеть.

Мы отсылаем Акима в Санкт-Петербург, потому что у него нет разрешения на въезд в Германию, и путешествие без слуги в почтовой карете становится невыносимым.

Тарновиц⁷⁷, 22 октября 1844 г. —

В связи с событиями 1831 года⁷⁸ иностранцам, а уж французам тем паче, не разрешается путешествовать по Польше без чьих-либо рекомендаций. Поэтому я решил заручиться письмом от министра финансов России⁷⁹ к его польскому коллеге.

Я полагал, что смогу легко получить сию бумагу, но не тут-то было. Министр не осмелился сам принять это решение. Он посоветовал мне испросить аудиенции у наместника Царства Польского князя Паскевича⁸⁰. На это ушло два дня, затем еще два на подготовку нужных бумаг, причем мне пришлось посетить пышный церемониальный обед, где я увидел всех важных сановников Царства Польского. Впрочем, эти дни были потрачены не зря: князь сделал для нас все, что требовалось, предоставил в мое распоряжение инспектора шахт, показавшего мне польские заводы вплоть до самых границ Силезии, и долго уговаривал в следующий раз посетить именно Польшу, заранее обещая свое покровительство.

В итоге, хотя я рассчитывал, задержавшись в Варшаве, проехать Польшу за четыре дня, это заняло неделю. В Силезии я посетил две группы заводов, которые представляли для меня интерес. Теперь же еду самым коротким путем во Францию лишь с одной недолгой остановкой в Тюрингии около Фульды⁸¹.

Предполагаю прибыть во Франкфурт через шесть дней, и тогда к 29 ноября окажусь в Лилле, а оттуда сразу в Париж.

Поездка по России (1853)

Санкт-Петербург, 10 июня 1853 г. — Уезжая откуда-нибудь, непременно возвращаешься: и вот я с Леже сейчас в Санкт-Петербурге, оба в добром здравии. Дорога из Варшавы в Санкт-Петербург занимает 94 часа, но мы останавливались только на пару часов, чтобы дважды поесть горячего. Остальное время ехали со скоростью 3–5 льё в час.

Завтра в одиннадцать утра уезжаем в Москву и прибудем туда утром 19-го. Подготовив за три дня наши экипажи, мы отправимся в долгий путь через несколько городов, которые я тебе назову, чтобы ты могла следить за моими передвижениями по карте: Коломна, Рязань, Муром, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург.

Казань, 2 июля 1853 г. — Мы быстро движемся к нашей цели. Нам пришлось ненадолго задержаться в Москве, чтобы подготовить тарантас. Он тяжелее и крепче обычного, но и такой едва вмещает наш багаж вместе с постелями, провизией и кухонной утварью.

Дороги здесь до того плохи, что мы часто проваливаемся в грунт по самую ось. К тому же с каждым ямским станом путь становится все хуже: по некоторым участкам мы можем продвигаться только на шести лошадях, больше запрячь невозможно, ибо так будет почти невозможно управлять тарантасом.

Добираясь через Рязань из Москвы до Нижнего Новгорода, мы оказались в местах, где развиты земледелие и промышленность; давно уже я хотел их посетить. Пробыли там три дня все с тем же Акимом, который вновь сопровождает меня в этой поездке, и остались весьма довольны. В Нижнем Новгороде мы были лишь один день; осматривали место проведения знаменитой ярмарки, на которую ежегодно съезжается 300 000 человек со всех концов света. Дальше, в Казань, от-

плыли на пароходе, рассудив, что он лучше, чем тарантас. К сожалению, наше судно оказалось грузовым буксиром и тащилось медленнее почтовой кареты.

..... Сегодня начинается последний, а точнее – предпоследний этап нашей поездки. Мы отправляемся на большой казенный завод по производству железных изделий, расположенный на Каме немного ниже Перми, почти в 120 льё отсюда. Это один из тех заводов, которые я намеревался посетить. Здесь, в Пермской губернии, ко мне приставят инспектора, который покажет мне все что нужно, как в предыдущую поездку, г-на Перетца.

Нижний Новгород, 12 июля 1853 г. — Наконец, в добром здравии мы прибыли в конечный пункт нашего путешествия, и я спешу рассказать тебе о том, чему мы были свидетелями.

После Москвы ехали долго, миновав Рязань, Нижний Новгород, Казань и множество населенных пунктов, которых ты не найдешь на карте. Проскакали через Пермь, совершили прекрасный и трудный подъем на гору Вишерский камень⁸² в великолепных поместьях Петра Голицына⁸³, которого я имел честь видеть этой зимой в Париже. Затем наша экспедиция, поднявшись по реке Чусовой, наконец-то прибыла сюда, миновав большие Кушвинские заводы; они-то, думаю, нанесены на все карты.

Самым интересным в этой поездке был сплав по Чусовой в маленьких лодках, выдолбленных, словно суденышки дикарей, из древесных стволов. Край этот исключительно живописный и почти столь же дикий, как прерии Северной Америки. Я не буду подробно рассказывать об этом, поскольку за меня это делает Сен-Леже в письмах к своей семье, и я полагаю, что его дамы поделятся сведениями с тобой.

Нижнетагильский завод, 2 августа 1853 г. — Ну вот наконец-то в нашей переписке установилось равновесие. Распорядок дня у нас следующий: встаем в 6 часов утра и пьем чай или кофе, в 11 часов завтракаем, в 11.30 едем изучать заводы, затем работаем в кабинете, в шесть вечера ужинаем, в полседьмого выезжаем в коляске или на дрожках на прогулку в лес или в чудесные окрестные горы. Время от времени нас приглашают к себе какие-нибудь заводские начальники. Например, вчера мы весь день праздновали у Беккера, как в Крэзо⁸⁴ в 1851 г., танцевали и пили чай. Обед состоял из яиц и мяса с овощами, а на ужин подавали суп, кашу, закуски, жаркое с салатом, перед десертом сладкое легкое блюдо, землянику, которой здесь в избытке, и множество всяких ягод. По вечерам, воз-

вратившись с работы, мы выпиваем по чашке чая из непрестанно кипящего самовара.

В нашем доме на каждом этаже по 16 окон с одной стороны и по 4 с другой, всего их 40, а в моей комнате — 6.

Мы располагаем тремя экипажами и тремя же кучерами. У всех молодых людей, сопровождающих нас на вечерних прогулках, имеется свой экипаж, так что обычно собираются 6—8 карет, галопом несущихся по окрестностям.

Нас всюду сопровождает верный Аким, присоединившийся к нам еще в Варшаве. Сейчас у нас с десятков слуг, а он за старшего, причем выполняет свои обязанности с достоинством и, как всегда, безукоризненно.

Я прошу тебя отдать вложенное в это письмо маленькое растение Эжену де Фурси⁸⁵. Здешняя растительность намного красивее нашей, поэтому из нее можно составить великолепный гербарий. За два месяца в этих местах появляется на свет столько флоры, сколько во Франции за полгода. Цветы очень быстро сменяются ягодами.

Нижнетагильский завод, 2 августа 1853 г. — Французские газеты, приходящие сюда, подолгу задерживает цензура. Сейчас дни стали немного короче, поэтому мой сон улучшился. Можно проснуться в 3 часа дня, и солнце уже не бьет в глаза, как месяц назад.

Сен-Леже не устает восхищаться красотой этого края. Город имеет почти парижские пропорции, раскинувшись километров на шесть вокруг. Он стоит на берегу двух красивых озер, расположенных у трех гор средней высоты. Мы легко поднимаемся на них и любуемся восхитительным видом на поселок, озера, рудники и два больших дымящихся завода.

Эти горы покрыты рощами, которые вместе с близлежащими жилищами напоминают Париж, опоясанный Монмартром и Бельвилем⁸⁶.

С макушек гор в направлении Сибири до самого горизонта простираются леса и холмы, а на западе можно увидеть покрытые великолепными лесами вершины Урала.

Посреди города, между озерами, несет свои воды широкий и могучий Тагил, по берегам окруженный красивыми лужайками, скалами и прекрасными лесами.

Город со всех сторон обступает лес, который становится реже только вблизи жилищ. На лесных лужайках днем пасутся многочисленные стада коров, вечером они возвращаются домой и ночуют возле изб.

Участки леса имеются даже в центре, и даже на трех-четырех кладбищах на его окраинах полно деревьев.

На улицах повсюду торчат пни, на которые обычно ставятся избы.

Город до того обширен, что даже на соседнюю улицу приходится добираться на повозке; на ней же я ехал от основания печи, где течет расплавленное сырье, до ее верхнего выхода наружу — отверстия, куда загружают руду.

Рабочие тоже редко ходят пешком, и, отработав свои 12 часов, как правило, уезжают домой на телегах.

Сейчас настроение у них разгульное: наступила пора сенокоса, и всем дали три недели отпуска. Почти в каждой семье имеются две коровы, четыре барана и лошадь. А всего в городе насчитывается не менее 6 000 коров и 5 000 лошадей.

Нижнетагильский завод, 16 августа 1853 г. —

Сейчас у нас самое лучшее время, какое только можно представить. Лишь долгота дня продолжает стремительно сокращаться. Ягод и овощей изобилие, так что питаться мы стали значительно лучше: прекрасно завтракаем и ужинаем в те же часы и теми же продуктами, что и в Париже. На столе всегда есть рыба, мясо, дичь и домашняя птица, не говоря уж о масле, молоке, яйцах и всем прочем.

Обычно мы пьем бордоское вино, хотя я предпочитаю местный напиток из прожаренного зерна под названием “квас”, который есть в каждой избе. Он лучше пива — не горький и легкий. Обилие льда для охлаждения напитков делает их особенно приятными в жару. Самый бедный здешний крестьянин питается лучше многих парижских буржуа. Аким продолжает верно служить мне: он главный распорядитель нашего дома и командует двумя посыльными, одним конюхом и парой кучеров, а также пятью-шестью временными работниками — мойщиками полов, дворниками, прачками и т. д. Он держит себя с ними очень важно.

Нижнетагильский завод, 28 августа 1853 г. — С моего последнего письма я совершил с г-ном Карамзиным⁸⁷ одну из двух поездок, которые хотел предпринять до отъезда.

Первая из них — в восточную, или, иначе, сибирскую часть края, — оказалась весьма живописной и увлекательной. Нам предстояло осмотреть место для будущего завода. Сей поселок расположен в дремучем лесу, в том месте, где сливаются две большие реки. Сначала мы ехали до него на тарантасе по дороге, где крутизна склонов иногда превышает 45 см на метр, к тому же они так обрывисты, что нам приходилось удерживать повозку за борт. Затем добирались до

цели верхом, по густому лесу, проскакав туда и обратно около 30 км.

Часто приходилось пробираться через не знавшие топора лесные заросли, чья почва покрыта многовековым метровым слоем полусгнившего валежника.

Впрочем, поездки эти необременительны, если не считать отсутствия нормального сна. Благодаря заранее принятым властями мерам нас везде ждало обильное угощение. Например, прискакав верхом туда, где сливались две реки, мы неожиданно обнаружили там всевозможные припасы, два горячих мясных блюда, вино со всех концов света, а также шампанское. Рядом горел чудесный костер, который уменьшал влажность и отпугивал мух. О, как нам было хорошо! Можешь себе вообразить, каким веселым и оживленным был этот караван из бо-ти грузовых и верховых лошадей.

В 6 часов вечера мы прибыли на маленький заводик, затерянный в тагильских лесах, и встретили теплый прием. Толпа жителей во главе со старостой преподнесла хозяину этих земель подарки, преимущественно хлеб-соль, лесные орехи, ягоду и всякую дичь. В свою очередь, заводчик одарил деревенских детишек конфетами, вначале давая всем поровну, а потом просто бросая их горстями ватаге мальчишек, которые сразу же устроили шумную потасовку.

Сейчас мы отправляемся в поездку по западному склону европейской части Урала. Вернемся через два дня и начнем готовиться к отъезду домой.

Екатеринбург, 4 сентября 1853 г. —

Сейчас мы едем на юг, где климат помягче. Сезон дождей пока не начался, хотя прошло несколько сильных ливней. Днем здесь еще жарко, но вечером и утром бывает весьма свежо.

Ночи тоже стали прохладными, листья берез начали желтеть. Близится осень. Мы отправляемся в Троицк⁸⁸, город вблизи Тобола⁸⁹, у границ России и земель кочевых киргизов. Мы собираемся изучить местные обычаи, которые я опишу в будущей книге. Затем, вернувшись назад, мы в последний раз перейдем через Уральский хребет и побываем на некоторых металлургических заводах, в частности, Миасском и Златоустовском. После этого вместе с Перетцем, ожидающим нас вместе со своей женой⁹⁰, отправимся на заводы Казани и, если в нашей программе ничего не изменится, оттуда поедем с ним на большое Уфимское плато.

А посему думаю, что мы вряд ли успеем добраться до Парижа к концу этого месяца.

Инспектор рудников, который по поручению русского императора обязан находиться при мне, как в предыдущей поездке Перетц, приехал в Екатеринбург заранее, чтобы поправить здоровье после довольно серьезной болезни. Узнав, что он еще не выздоровел, я решительно не хочу брать его с собой. Мы уезжаем с нашим верным Акимом и с одним русским юношей, который жил в Париже, а теперь сопровождает меня и г-на Ландсберга⁹¹ на Южный Урал.

Долина Миасса, 8 сентября 1853 г. — Пишу тебе из маленькой азиатской деревушки, расположенной на восточном склоне Южного Урала, в краю кочевых башкир⁹². Мы далеко продвинулись на азиатский юг. Места эти очаровательные. Путь наш лежит по широким долинам меж высоких гор, а долины состоят из холмистых равнин чернозема, столь плодородных, что для обильных жатв их даже не требуется удобрять навозом. Поэтому основная забота для привыкших к хорошим урожаям местных жителей — куда навоз вывозить. Башкиры, которых мы приехали изучать, — это мусульмане, верные последователи Пророка, которые, став пахарями, отчасти сохранили кочевую традицию своих предков. Каждую весну они наглухо запирают свои зимние жилища, и, взяв с собой деньги и ценные вещи, на все лето отправляются со своими стадами на безлюдные пастбища. Примерно четыре месяца они живут в войлочных шатрах с отверстием наверху — через него выходит дым от вырытого посередине очага.

Их шатры располагаются рядом друг с другом, словно домишки маленького селения. Войдя в один такой шатер, мы увидели, что земля в нем, покрытая ковром и циновками, уставлена деревянными кадками для молока. Главным предметом в жилище является огромный мешок из добротной шкуры коровьей, в котором хранят кобылье молоко. Пропитанный дымом, этот своеобразный сосуд вызывает брожение, превращающее молоко в спиртной напиток, который башкиры называют “кумыс” и с наслаждением пьют. Попробовав сию жидкость, мы нашли ее похожей на кислую грушевую настойку. Для кочевых башкир кумыс — единственный продукт питания, они употребляют его в огромных количествах и поэтому постоянно дремлют, что, кажется, им весьма приятно, поскольку вызывает видения как при употреблении опиума. Все это выглядит очень колоритно.

Уфа, 13 сентября 1853 г. — С тех пор как я отправил тебе последнее письмо, мы пересекли Уральский хребет и спусти-

лись на равнину, с трудом продвигаясь по ужасному бездорожью.

Ты знаешь, насколько плохи и утомительны переезды между Кенигсбергом и Таурогеом, но они ничто по сравнению с горными переправами между Златоустом и Уфой. Мы быстро движемся по океану грязи, покрытому бревнами, на которых повозки подсакаивают по сто раз в минуту, так что все сложенные внутри вещи то и дело перемешиваются. Потоки грязи так и брызжут из-под колес.

Но куда ужасней езда по огромным глыбам скал, когда трение железного обода колеса о кремний издает пронзительный скрежет. Экипаж непрестанно трясет, да так сильно, что он, кажется, вот-вот рассыплется на части.

Но не иначе как нас и нашу повозку пока что оберегает Бог — покровитель путешественников. Сейчас нужно подготовиться к тому, чтобы наши кони поскорее доставили нас в Оренбург, а оттуда отправимся на родину.

Несмотря на все страдания, которые я тебе описал, мы полны здоровья и сил, питаемся и отдыхаем на многочисленных ямских станах, хотя о нормальном сне при таком темпе езды думать не приходится.

Самафа, 22 сентября 1853 г. — Несчастный случай, неожиданно произошедший с нашим верным Акимом, вынуждает нас изменить планы и вернуться домой через Москву и Санкт-Петербург. Вчера вечером, выйдя из гостиницы за покупками, бедный малый поскользнулся в темноте, упал и ударился головой. К счастью, рана легкая и быстро заживет, но без слуги мы сможем ехать только по тракту, поэтому будем возвращаться через Симбирск, Ардатов, Муром, Владимир, Москву, Санкт-Петербург и Варшаву.

Финал нашего путешествия был прелестен: мы остановились в очаровательной усадьбе Тимашевых⁹³, с которыми познакомились, когда плыли на пароходе от Нижнего до Казани. Владения этой семьи расположены между Уфой и Оренбургом, в Башкирии, одном из наиболее удивительных мест России и Европы. Хотя Тимашевы никогда не покидали своей страны, они говорят по-французски и знают о Париже и Франции лучше большинства парижан. Особенно хочется поблагодарить госпожу Тимашеву⁹⁴ за ту помощь, которую она оказала нам при изучении положения крестьян на ее землях. Я получил великолепный материал для своей книги, которую издам в Императорской типографии. Земли Тимашевых составляют примерно 170 000 га и столь плодородны, что их не нужно удобрять навозом. Единственная проблема

заключается в том, куда этот навоз, в изобилии лежащий вокруг деревень, девать, поскольку никакого применения ему нет. Люди живут здесь столь зажиточно, что нам и не снилось. Кстати, мы выяснили, что крестьянская семья среднего достатка за год потребляет дюжину свиней из своего домашнего хозяйства, не считая другого мяса.

Попрощавшись с Тимашевыми, мы через места обитания полукочевых башкир, которые я уже описал тебе в предыдущем письме, доехали до границы земель киргизов — кочевников, живущих в шатрах.

Мы рассчитываем отправиться отсюда через 2 часа, из Москвы — 28-го, из Санкт-Петербурга — 1-го, а из Варшавы — 5 октября, и 10 октября планируем прибыть в Париж. А пока я с тобой прощаюсь, поскольку мне нужно собираться в дорогу.

Москва, 1 октября 1853 г. — Мы, наконец, прибыли сюда после всех перипетий, большинство которых я описал тебе в письме из Самары. Целую неделю пришлось нам добираться до Москвы через Симбирск, Ардатов, Арзамас, Муром и Владимир. Никто на Западе не представляет себе трудностей, выпавших на нашу долю, пока мы преодолевали эти почти 1000 верст, или по-нашему 1100 км. Неоднократно нам приходилось намертво застревать в грязи и спешиваться, чтобы выволочь лошадей и дать людям соответствующие указания. Однажды в полночь г-н Сен-Леже до того завяз в месиве земли и грязи, что был вынужден обратиться за помощью к одному богатырского телосложения мужику, который легко поднял его на руки и перенес туда, где было посуше. Это приключение немного развеселило нас.

Осталось преодолеть до Варшавы 1200 верст через Бобруйск и Брест-Литовск. Нас уверяют, что мы доберемся туда за пять дней, если, конечно, будем ехать круглосуточно. В этом случае у нас есть шанс добраться до Парижа к 10 октября.

Варшава, 6 октября 1853 г. — Мы, как и планировали, прибыли сюда сегодня в 3 часа пополудни, потратив на дорогу пять суток. В пути с нами случилось множество мелких происшествий, которые кажутся на первый взгляд серьезными, но вскоре быстро забываются. В конце концов, мы живыми и невредимыми добрались до железнодорожной станции, откуда поезда отправляются в Париж. Иными словами, наши дорожные приключения закончились.

Брюссель, 12 октября 1853 г. — Как я тебе уже писал, мы не смогли приехать сегодня в Париж. Прибыв в Брюссель, почувствовали сильную усталость — и теперь, переночевав здесь, доберемся до Парижа поездом в 5 часов пополудни. Спустя час надеюсь увидеть тебя. Г-н Сен-Леже тоже чувствует себя прекрасно.

Комментарии

1. Огюстина Лепле (1819—1892) — жена Ф. Лепле с 1837 г.
2. Мехелен — город в Бельгии.
3. Альбер Сен-Леже (1801—1890) — спутник Ф. Лепле, специалист в области агрономии и экономики сельского хозяйства.
4. Кукушка — одноконная плохая повозка.
5. Фридрих II Великий (1712—1786) — король Пруссии с 1740-го по 1786 г.
6. Речь о так называемом Святом озере, расположенном в Потсдаме.
7. Лье — старинная французская единица измерения расстояния. При указании расстояний между населенными пунктами автор, видимо, пользовался сухопутным лье (4444,4 м). Когда речь идет о расстоянии при путешествии на повозках, применялось почтовое лье (3898 м).
8. Тауроген — ныне г. Тауреге на западе Литвы.
9. Маленво — спутник Ф. Лепле.
10. Маленькая улочка Жан-Жака Руссо располагается в историческом центре Парижа.
11. Полька появилась в середине XIX в. в Богемии (современная Чехия).
12. Эжен Сю (1804—1857) — французский писатель.
13. “Парижские тайны” (опубл. 1842—1843 гг.) — роман Э. Сю.
14. “Вечный жид” (“Агасфер”) — роман Э. Сю, опубликованный в 1844—1845 гг.
15. Роман Э. Сю “Парижские тайны” имел большой успех во всей Европе и вызвал многочисленные подражания. Но перечисленных произведений у Э. Сю не было: речь только о пожеланиях и ожиданиях.
16. Речь идет об Анатолии Николаевиче Демидове (1812—1870), русском и французском меценате.
17. Этим попутчиком был Александр Абрамович Перетц (1812—1872) — горный инженер, сыгравший видную роль в промышленном развитии Урала, в 1861—1866 гг. начальник штаба Корпуса горных инженеров.

18. Имеется в виду Нижний Новгород.

19. Альбер Лепле (1842–1937) – сын Ф. Лепле, которому в то время было два года.

20. Бельвильский холм находится на востоке французской столицы, в 20-м округе. Пантеон (усыпальница знаменитых французов) водружен на вершине холма Святой Женеьевы.

21. Кубики Шеве – название полуфабриката.

22. На самом деле утки-мандаринки обитают на Дальнем Востоке. Ф. Лепле, скорее всего, имел в виду похожую на них самку кряквы.

23. Бос – историческая область на севере Франции, сельскохозяйственная житница страны.

24. “Тартары” – Ф. Лепле использует старинное европейское название жителей Азии, в данном случае – казанских татар.

25. 25 сантимов – серебряная монета, выпускавшаяся во Франции в 1803–1845 гг., в описываемое время имела диаметр 15 мм и весила 1,25 г.

26. Ямские станы (станции) в Центральной России располагались на расстоянии от 18 до 25 верст.

27. Речь идет о путешествии Ф. Лепле в 1830-е гг. по югу России и Крыму с целью исследования их хозяйственного потенциала.

28. Ныне Мотовилихинский район Перми.

29. Дрю – спутник Ф. Лепле.

30. Имеется в виду Илья Иванович Огарёв (1780–1854), пермский губернатор в 1837–1854 гг.

31. Пожар случился 14 (26) сентября 1842 г.

32. Павел Данилович Данилов – в 1839–1847 гг. управляющий Нижнетагильских заводов.

33. Фотий Ильич Швецов (1805–1855) – российский горный инженер, управляющий Тагильским металлургическим заводом.

34. Во время пребывания в Нижнем Тагиле П. Ф. Лепле жил в здании на Александровской (центральной) улице, у самого подножия храмового холма, известном как дом А. А. Любимова (Иванова Д. С. Лепле П. Ф. и геологические исследования Нижнетагильского горнозаводского округа в 1839–1853 гг. // Общественные практики: уроки истории и современные тренды: сборник тезисов докладов Всероссийской научной конференции студентов-стипендиатов Оксфордского Российского фонда (Екатеринбург, 20–22 апреля 2016 г.). – Екатеринбург, 2016. – С. 157).

35. Имена французских поставщиков продовольствия, кулинаров и рестораторов.

36. Известный французский ресторатор того времени.

37. Руаяль и Согласия – мосты в Париже.

38. Каменная четырехпрестольная церковь Выйско-Никольская церковь в Нижнем Тагиле, существовавшая в 1865–1963 гг.

39. Менд, Гер и Ош – провинциальные города Франции.

40. Кушвинский завод — ныне город Кушва в Свердловской области.

41. Нижне-Лайский и Верхне-Лайский заводы располагались в поселке Лая (ныне в Горноуральском городском округе Свердловской обл.).

42. Имеются в виду металлургические предприятия Гороблагодатского горного округа.

43. Имеется в виду Федор Иванович Фелькнер (1802, по др. данным 1803—1877) — в 1842—1847 гг. горный начальник Гороблагодатских заводов, полковник.

44. Богословский завод — ныне город Карпинск в Свердловской области.

45. Павел Ефимович Ахматов (1799—1854) — горный инженер, в марте 1844 г. командирован в Богословские заводы для присутствия там в главной конторе на время годовичного отпуска горного начальника, полковника М. И. Протасова. Во время пребывания Ф. Лепле имел звание подполковника (полковником стал в 1846 г.).

46. Дети П. Е. Ахматова: Надежда (1825—1851), Владимир (1830—1847), Вениамин (1833—1847), Любовь (1834—?), Анна (1836—?), Александра (1840—1851), Анатолий (1846—1847).

47. В описываемое время рака с мощами святого Русской православной церкви и небесного покровителя уральской земли Симеона Верхотурского (Симеона Меркушинского; ок. 1607—1642) была установлена в приделе Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы Николаевской церкви (ныне не сохранилась) Свято-Николаевского монастыря. Мощи святого привлекали в монастырь многочисленных паломников, число которых в начале XX в. достигало 60 000 человек в год.

48. Нижнетурицкий завод — ныне город Нижняя Тура в Свердловской области.

49. Ныне поселок Черноисточинск в Горноуральском городском округе Свердловской области.

50. Ныне поселок Висим в Горноуральском городском округе Свердловской области.

51. Ныне поселок Висимо-Уткинск в городском округе “город Нижний Тагил” Свердловской области.

52. Ныне деревня Усть-Утка в городском округе “город Нижний Тагил” Свердловской области.

53. Алапаевские заводы принадлежали наследникам С. С. Яковлева (1763—1818).

54. Луи-Леопольд Робер (1794—1835) — швейцарский художник. Речь идет о его картине “Прибытие жнецов в Понтийские болота” (другое название “Жнецы на Понтийских болотах”, 1800 г., Лувр).

55. Ф. Лепле и его спутники путешествовали по Уралу на крупных и прочных тарантасах сибирского типа, так называемых долгушах.

56. Режевский завод — ныне город Реж в Свердловской области.

57. Имеется в виду Алексей Иванович Яковлев (1768—1849) — с 1806 г. владелец Верх-Исетских заводов.

58. Нижнеисетский завод — ныне территория Чкаловского р-на Екатеринбургa.

59. Владимир Андреевич Глинка (1790—1862) — генерал от артиллерии, главный управляющий горных заводов Уральского хребта.

60. Сысертский завод — ныне город Сысерть в Свердловской области.

61. Полевский завод — ныне город Полевской в Свердловской области.

62. Поселок Соймоновский — ныне город Карабаш в Челябинской области.

63. Дени-Огюст-Мари Раффе (1804—1860) — выдающийся французский художник-литограф. Речь идет, в частности, о книге: *Voyage dans la Russie Meridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, executé en 1837, par Mr. Anatole de Demidoff. Edition illustrée de soixante-quatre dessins par Raffet. Dedié a S. M. Nicolas I-er Empereur de toutes les Russies.* — Paris, 1840.

64. Гора Круглица (Таганай) — высшая точка хребта Большой Таганай, высота 1178 м. Расположена в 15 км от города Златоуста.

65. Павел Петрович Аносов (1796—1851) — горный инженер, ученый-металлург, крупный организатор горнозаводской промышленности, исследователь природы Южного Урала.

66. Карл Францевич Альдегонд де-Сент — французский металлург, с 1828 г. на русской службе.

67. Григорий Федотович Зотов (1775—?) — уральский мастеровой, заводской управляющий, организатор горного дела, создатель каслинского художественного литья.

68. Речь идет о самом крупном российском самородке “Большой треугольник” весом 36 кг, найденном 8 октября 1842 г. в долине реки Миасс. Хранится в Алмазном фонде.

69. Троицкие заводы включали Верхне- и Нижне-Троицкий (ныне на территории Туймазинского района Республики Башкортостан) и Усень-Ивановский (ныне на территории Белебеевского района Республики Башкортостан) медеплавильные заводы.

70. Поскольку в тексте не назван населенный пункт, трудно определить, о ком идет речь. Это могли быть собственно башкиры. В этом случае следует заметить, что Ф. Лепле, как и многие его современники, считал башкир частью татар. Кроме того, в то время к татарам относили многие азиатские народы. Но, возможно, это было селение сословных башкир.

71. Имеются в виду Шепелевы Иван (1814—1865) и Николай (1818—1872) Дмитриевичи.

72. Речь идет об Иване Родионовиче Баташове (1741—1821).

73. И. Д. Шепелев увлекался крепостным театром, за что недоброжелатели прозвали его “Нероном Ардатовского уезда”.

74. Михаил Александрович Урусов (1843–1855).

75. Оба брата умерли холостыми.

76. Мария Ивановна Сухово-Кобылина (урожденная Шепелева) (1789–1862) – мать известного драматурга А. В. Сухово-Кобылина.

77. Тарновиц – Тарновске-Гуры (Тарновские Горы), город в Польше.

78. Речь идет о Польском восстании 1830–1831 гг.

79. Имеется в виду Федор Павлович Вронченко (1779–1852) – министр финансов России с 1 мая 1844-го по 1852 г.

80. Иван Федорович Паскевич (1782–1856) – наместник Царства Польского в 1832–1856 гг.

81. Фульда – ныне город федеральной земли Гессен в ФРГ.

82. Вишерский камень – на самом деле, горный хребет, ныне на северо-востоке Красновишерского района Пермского края.

83. На тот момент указанная уральская вотчина принадлежала князьям Сергею Михайловичу (1774–1859) и Михаилу Александровичу (1804–1860) Голицыным.

84. Крѐзо – город в центральной части Франции, промышленный центр.

85. Мишель-Эжен Лефебр де Фурси (1812–1889) – французский инженер и картограф.

86. Монмартр – округ Парижа (вошел в состав города в 1859 г.), расположенный на одноименном холме, высочайшей точке французской столицы. Бельвиль – квартал Парижа, находится на Бельвильском холме. Оба они во времена Ф. Лепле были окружены виноградниками.

87. Андрей Николаевич Карамзин (1814–1854) – один из сыновей русского историка Н. М. Карамзина, гусарский полковник, управлявший нижнетагильскими заводами в 1849–1853 гг.

88. Троицк – ныне город в Челябинской области.

89. Тобол – город расположен на слиянии рек Уй (приток Тобола) и Увельки.

90. Имеется в виду Елизавета Густавовна Перетц (урожденная фон Бѣттихер) (1821–1905).

91. Ландсберг – спутник Ф. Лепле.

92. Ф. Лепле прибыл в эту деревню 7 сентября 1853 г. (Документы и материалы по истории башкирского народа (1790–1912) / сост. А. З. Асфандияров, Р. Н. Рахимов, Ф. Г. Хисамитдинова. – Уфа, 2012, с. 256.) Материалы, собранные им здесь, были включены в его фундаментальный труд, посвященный социологии семьи: *Le Play F. Les ouvriers euroréens*. Paris, 1878. Т. 2. Р. 1–46 (рус. перев.: Документы и материалы по истории башкирского народа (1790–1912)). Это до сих пор непревзойденное в мировой историографии микросоциологиче-

ское исследование башкирского дореволюционного села. Название деревни исследователями, в том числе издателями вышеуказанного русского перевода фрагмента из труда Ф. Лепле, установлено не было. Сам автор обозначает ее в оригинале как Moshmet. Современный американский исследователь его творчества К. Мондей дает по-русски вариант Моглет. На самом деле, Ф. Лепле побывал в деревне Махмутово (ныне в Салаватском районе Республики Башкортостан), но есть версия, что это была деревня Мухаметово, ныне в составе Карабашского городского округа Челябинской области (Ш. Исенгулов. Башкирская семья в описании французского ученого Ф. Лепле и по архивным документам // Ватандаш, 2018, № 3).

93. Усадьба Тимашевых – ныне село Ташла Тюльганского района Оренбургской области.

94. Имеется в виду Екатерина Александровна Тимашева (Загряжская) (1798–1881).